

Инна Балашинская

*Детектив
сильных
страстей*

ЭКСМО

Ошибка Бога Времени

Бюро случайных находок

Инна Бачинская

Ошибка Бога Времени

«ЭКСМО»

2014

Бачинская И. Ю.

Ошибка Бога Времени / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2014 — (Бюро случайных находок)

Конверт был самый обычный, бледно-голубой. Ее имя выписано печатными буквами. Обратного адреса нет, отчего письмо кажется голым. Юлия повертела конверт в руках, надорвала, вытащила сложенный вчетверо листок, развернула. «За деньги, оставленные покойником, можно купить много полезных вещей, в том числе и молодого любовника». Черные печатные буквы, такие же, как и на конверте. Юлия опустилась в кресло прямо в прихожей, глубоко вздохнула, стремясь унять бешено колотящееся сердце. Она с трудом научилась жить без Женьки, а теперь кто-то обвиняет ее в убийстве мужа? Но у них с Алексом все по-другому... Почему же после их медового месяца в Мексике она чувствует себя так плохо? Всеми виной укус экзотического жука или... кто-то хочет отправить ее вслед за первым мужем?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Инна Бачинская

Ошибка бога времени

...«Я вспоминаю солнце... и вотще стремлюсь забыть, что тайна некрасива». Тайна – некрасива, мой Стак. Тайна – всегда некрасива...

*Аркадий и Борис Стругацкие,
Поиск предназначения, гл. 10*

Все действующие лица и события романа вымышлены, и любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Пролог

Женщина в распахнутой норковой шубке вошла в вестибюль жилого дома номер двенадцать на улице Чехова, прошла мимо консьержки, не замедлив шага, не ответив на почтительное приветствие толстой сонной девахи, выглянувшей из окна кабинки. Споткнувшись на первой ступеньке, ухватилась рукой за перила, с трудом удерживаясь на ногах. Сверху навстречу ей спускалась пожилая дама с рыжей пушистой собачкой на поводке. Она смерила неодобрительным взглядом женщину в норковой шубе, которая почти висела на перилах, опустив голову, словно прятала лицо или пыталась рассмотреть что-то на полу. Ощувив сильный запах спиртного, дама поморщилась, вздернула подбородок и прошла мимо, не поздоровавшись. Собачка собралась обнюхать мех, пахнувший улицей и снегом, но хозяйка дернула за поводок, и песику ничего не оставалось, как побежать следом.

А женщина в норковой шубке, словно собравшись с силами, стала подниматься по лестнице, останавливаясь через каждые две-три ступеньки и надолго застывая. Казалось, она мучительно пыталась что-то вспомнить. Поднявшись на третий этаж, женщина долго копалась в сумочке в поисках ключа, вываливая на коврик у двери всякое добро вроде квитанций, перчаток, блестящих тюбиков губной помады, монеток. Найдя ключ, она долго не могла попасть в замочную скважину – так дрожали руки. Наконец ей удалось отпереть дверь, и она вошла в темный длинный коридор, постояла минуту-другую, нашаривая выключатель. Захлопнула за собой дверь, так и не подняв выпавших из сумочки предметов.

В коридоре она сбросила шубу на пол, переступила через нее и пошла в гостиную. Движения ее напоминали движения автомата. Свет в гостиной она не зажгла, и там было почти темно. Она добралась до тахты, тяжело рухнула на нее. Повозившись, свернулась клубком, накрылась с головой пледом и закрыла глаза. В комнате стояла та особая тишина, которая бывает в пустых квартирах. Неясные звуки доносились извне, тикали старые высокие часы с башенкой, стоявшие в углу, – мерный глухой звук, который тут же подхватывало короткое быстрое эхо. Маятник, как светлый луч, ритмично скользил взад-вперед и казался живым. Женщина представляла себе, как сыплется горошины в жестяной таз, одна за другой, долго, бесконечно и безнадежно. «Часы, – подумала она, – как громко... громко...»

Она не знала, сколько прошло времени. Поздний вечер перешел в зимнюю ночь, подсвеченную неверным светом городских огней. В темноте выделялись длинные серые прямоугольники окон. Женщина отбросила плед, села, опустив ноги на звериную шкуру на полу. Потом, словно приняв наконец решение, подошла к серванту, открыла нижнюю дверцу, достала узкую продолговатую коробку. В коробке лежали разноцветные ароматические свечи. Она закрыла дверцу серванта, положила коробку на пол. Двигаясь на ощупь, по-прежнему не зажигая света, принесла из кухни спички и несколько обычных стеариновых свечей, которые держат на вся-

кий случай в любом доме. Достала из коробки лиловую свечу, чиркнула спичкой. На стене, как в китайском театре теней, возникла громадная узкая колеблющаяся человеческая фигура с непомерно большой головой. Наклонив свечу, женщина накапала воска на пол, поставила свечу в мутную горячую лужицу. Достала другую, желтую, снова накапала воска на темный блестящий паркет, вдавила свечу в лужицу. Еще одна свеча, еще и еще... По комнате поплыли удушливые ароматы сандала, ванили, лаванды. Трещали фитили, металась по стенам тень... Одна, две, три – тринадцать горящих свечей, тринадцать неверных оранжевых языков пламени... Светящаяся дорожка через всю комнату...

Женщина стояла на пороге комнаты, рассеянно глядя на свечи. Они напомнили ей елочные свечи из далекого детства... Новый год, нетерпеливое ожидание, радость, какие бывают только в детстве, когда веришь в чудо, Деда Мороза и Снегурочку, в то, что исполнятся все желания... Ей даже почудился запах мандаринов и хвои... Она втянула воздух – нет, показало. Ароматы горящих свечей причудливо смешались, и в комнате стало трудно дышать.

Две свечи она поставила на пороге ванной комнаты, еще две – на туалетном столике. Они отразились в зеркале, и стало казаться, что их не две, а четыре. Женщина открыла кран и стала неторопливо раздеваться. Роняла одежду на черно-белый кафельный пол. Ей пришло в голову, что такие полы бывают в операционных. Некоторое время она сосредоточенно рассматривала белые и черные квадраты. Потом, обнаженная, подошла к зеркалу. Из-за дерганных бликов огня что-то ведьмовское чудилось в ее облике. Запавшие глубокие глаза, угрюмая усмешка... острые ключицы, темные соски, глубокая впадина пупка... Она потянула ручку зеркального шкафчика, долго искала что-то внутри, роняя в раковину умывальника разную мелочь, достала наконец некий предмет, который с легким стуком положила на мраморную столешницу. Принесла из гостиной высокий стакан с коньяком. Все так же не торопясь, ступила в горячую воду. Через открытую дверь ей была видна дорожка из свечей. Она взяла стакан с теплым коньяком и, морщась, стала пить мелкими глотками. Допила до дна, вытянула руку, разжала пальцы. Стакан упал на пол, разлетевшись вдребезги, чего она просто не заметила. Она лежала в горячей воде, чувствуя затылком жесткий холодный край ванны... Взгляд ее был прикован к ярким расплывающимся огням свечей. Она вытащила из воды тяжелую левую руку, некоторое время рассматривала покрасневшую кожу, словно вспоминая, что нужно делать... Потом провела бритвой, зажатой в правой руке, по внутренней стороне запястья, там, где бились тонкие голубые жилки... Боли она не почувствовала; смотрела рассеянно, как темные струйки, заскользившие по руке, мгновенно окрасили воду сначала в розовый, затем в ярко-красный цвет...

Словно испугавшись того, что сделала, она спрятала руку под воду. В какой-то миг она ощутила легкое дуновение холодного воздуха на своем лице, услышала неясный шум в комнатах и увидела тень, мелькнувшую в дверном проеме...

Кто-то большой, черный стоял там и смотрел на нее провалами глаз, кто-то, кого она уже не могла ни узнать, ни удержать в гаснущем сознании. Она попыталась улыбнуться этой тени и сказать, что все хорошо, но не удержать было тяжелые веки, глаза ее закрылись, а когда открылись снова, в дверном проеме уже никого не было. Только знакомый уже сквознячок мазнул по лицу и дернулось пламя свечей.

Ей действительно было хорошо. Казалось, что она, невесомая и прозрачная, летит в теплом густом воздушном потоке... Летит на далекий призывный свет, зная почему-то, что там – покой и прощение.

«Свет, – подумала она, – свет... сколько света... огонь... жизнь...»

Глава 1

АЛХИМИЯ ЛЮБВИ

*Неподвижно висит
Темная туча в полнеба...
Видно, молшшо ждет.*
Мацуо Басё (1644—1694)

- Ты такой красивый...
- Обыкновенный! Не выдумывай!
- Ты меня любишь?
- Ты же знаешь...
- Скажи!
- Я тебя люблю!
- Очень?
- Очень! Ты мое чудо неожиданное-негаданное...
- Это ты мое чудо! Хочешь вина?

Мужчина поднялся – высокий, широкоплечий – и нагой отправился в кухню. Женщина смотрела ему вслед. Хлопнула дверца холодильника, звякнуло стекло. Она натянула кружевную короткую сорочку, уселась поудобнее, подложив под себя подушки. Взбила волосы. Он вернулся с двумя бокалами, один протянул ей. Присел на край тахты.

Они пили вино – она, запрокинув голову, мелкими глотками, он – не сводя с нее смеющихся глаз. Допив, она протянула ему пустой бокал.

- Еще?
- Иди сюда! – она притянула его к себе. – Я соскучилась!

Зазвонил мобильный телефон в черной блестящей сумочке на журнальном столике, и женщина вздрогнула.

- Ответишь?
- Нет! К черту!
- Не боишься?

– Я? – она расхохоталась. – Дурачок! Я никого не боюсь, понятно? А теперь, когда мы вместе, тем более. Мы вместе?

Он кивнул.

– Немного форта, и видали мы их всех! Мы уедем, начнем жизнь сначала... Этот паршивый городишко надоел до чертиков! Здесь ничего не меняется – ни соседи, ни лица, ни витрины... Сплетни, подглядывание, подслушивание, мелкие гадости соседу... Живем на виду, как в деревне! Господи, как я хочу убраться отсюда подальше! В столицу! Откроем дело, купим дом, шикарную машину... две! Я буду устраивать приемы... Если бы ты знал, как я устала! Самое главное – мы свободны, сильны, нас ничто и никто не связывает. Мы уйдем, громко хлопнув дверью, не оглянувшись, отряхнув прах... И никогда сюда не вернемся!

Мужчина с улыбкой слушал.

– Ты мне веришь? – она заглянула ему в глаза.

– Верю, – он взял ее лицо в ладони. – Ты сильная, свободная, предприимчивая. А деньги откуда?

– Достанем! Двое умных, свободных и сильных...

Он рассмеялся и поцеловал ее в губы.

– Не смейся! – увернулась она. – У нас все будет! Ты должен мне верить!

– Фантазерка ты моя!

Они целовались, тесно обнявшись, сплетясь телами... Полетел на пол сбитый с журнального столика недопитый бокал, разлетелись холодные брызги. Женщина вскрикнула и расхохоталась...

– ...Молчи и слушай! – сказала она, коснувшись пальцем его губ. – Я все обдумала.

– Ты еще и мыслитель, – пошутил он, целуя ей пальцы.

– Я вообще способная! Я способна на все! И меня никто не остановит. Нас. Слушай. Только не перебивай. У нас все будет.

– Когда?

– Скоро.

– Мы ограбим банк?

– Да. Не струсил?

– С тобой? Нет. Я готов... на все. Пушка есть?

– Обойдемся без крови и пушек. Слушай. Пока в общих чертах, к черту детали! Самое главное – здесь! – она постучала себя пальцем по лбу.

– Стратег!

Мужчина смотрел на подругу с умилением и жалостью, она казалась ему маленькой незрелой бедной девочкой, которая рассматривает игрушку на витрине магазина – дорогую, нарядную, яркую... как у других девочек. Они такие разные во всем, и то, что она обратила на него внимание... Какая там игрушка – наоборот, он силен, опасен и везуч! Он хмыкнул. Она взглянула вопросительно, и он кивнул, мол, все в порядке, все чудесно. Не то чтобы он не знал себе цену, нет! Он пользовался успехом у женщин, у него были подруги, и немало, но никто не строил с ним планов на будущее. Так, скорый секс «для продувки системы» и – разбежались. Да и не нужны ему были долговременные связи... так складывалась жизнь. С Пумой... он придумал ей имя – Пума, за гибкость и стремительность, – совсем другое, здесь не только секс... или любовь... Ладно, пусть любовь. Или страсть... вон как его корежит и переворачивает при одной мысли о ней! Он узнает ее шаги... Она всегда спешит, летит наверх через две ступеньки, от нетерпения забыв о лифте. Теперь все серьезнее, теперь речь идет о вещах, о которых он не задумывался, – о будущем. Он пашет за троих, добирается вечером до постели, падает – и до утра. Пума спросила однажды, состроив одну из своих забавных гримасок: «Это твой потолок?» И, ткнув пальчиком в грудь, сказала: «Ты заслуживаешь большего. Мы оба заслуживаем большего, понял?» Подруга действует с размахом, и их будущее она планирует с целеустремленностью боевой машины. Это смешит и трогает его – в хрупком теле Пумы таится пламенный мотор, союз твердого металла и затейливой мысли изобретателя! Таран, бронированная машина, танк... Танк «Бесстрашная Пума»! Можно – «БП».

Он ей не верит, он снисходителен, он относится к ее планам как к детским сказкам, но слушает с удовольствием и улыбается до ушей – почему бы и нет? У них будет дом? Прекрасно! Давай помечтаем! Только обязательно мастерская в подвале, там же спортзал и большой кабинет на первом этаже, и чтобы сад перед окном. Окно большое, во всю стену. А в саду – жасмин и бузина... Мама всегда варила варенье из бузины против простуды, и у него, маленького, чесались и краснели губы от этого варенья, но кашель проходил.

И розы, добавляет она. Обязательно розы. Темно-красные, желтые и кремовые. А ты знаешь, что у роз, как у людей, есть имена и фамилии? Красная роза Патрисия Каас! Или палевая – Мария-Антуанетта!

– И машина! – подхватывает он игру. Это кажется ему игрой. И машина! Две! Три! Десять! Двадцать!

– Идем до конца? – спрашивает Пума серьезно.

– Всегда готов! – отвечает он шутливо.

– И сразу сваливаем?

– В ту же самую минуту! Улетим в большой свет, как медная копейка!

– Золотая! Ты в меня веришь?

– Да. Давай излагай!

– Пусть созреет. Идея должна созреть...

...Он провожает ее до машины, они целуются...

Некто, слегка подшофе, проходящий мимо, тощий и слегка небритый, руки в брюки, остановился под деревом у края тротуара и с отвращением наблюдает за трогательным прощанием, сплевывает сквозь зубы злобно и бормочет что-то. Потом долго рассматривает номер дома, откуда вышла пара, презрительно фыркает, поминая ненасытных сучек, которые готовы с первым встречным...

– Зараза! – бормочет прохожий невнятно, привалившись плечом к стволу дерева и дирижируя правой рукой. – Вся жизнь одно и то же! И каинова печать на лбу, и хоть бы хны! Ни стыда, ни совести, блин! Вращается, блин! С этим придурком... вцепилась как вошь в кожу... не отдерешь! Сожрет с костями и не подавится! И этот самоубийца, тоже мне, герой-любовник, лезет в петлю, придурок! Осссподи, ну что они себе думают? Ну, подожди, дожدهшься ты у меня! Теперь не отвертишься, выдра! За все спрошу, ты у меня попляшешь! Тьфу!

Человек отлепился от ствола и не торопясь побрел в сторону новостроек, бормоча и размахивая руками...

Глава 2

Известно ли вам, что такое мораль?

*Зал для заморских гостей
Тушью благоухает...
Белье сливы в цвету.*
Ёса Бусон (1716—1783)

Марат Николаевич Сокуров, генеральный директор «Продимпортторга», солидный, торжественный, в строгом черном костюме с бабочкой – чуть подрагивают румяные железные щечки, подпираемые жестким крахмальным воротничком ослепительно-белой рубашки, – председатель торжественного собрания. Собрания – не в том обычном смысле, который мы привыкли вкладывать в это слово, а в смысле более широком: собрание как стечение народа, форум, встреча, событие международного масштаба, которое войдет в историю города и будет записано на городских скрижалях (кому известно, что это такое?). Лучшие представители общественности города и иностранные гости собрались сегодня на международный семинар «Культура, мораль и терпимость», совместными спонсорами которого являются партнеры по бизнесу – французский торговый дом «De Mallo et fils» и местная компания «Продимпортторг».

Какая связь между торговлей и моралью, может спросить удивленный читатель. Никакой, разумеется. Даже наоборот! Но, поскольку дела у партнеров идут хорошо, даже отлично, то «Продимпортторг», известный своей благотворительностью, решил отметить восьмилетие деловых связей с французами организацией международного семинара. Прижимистые французы вначале отказались было участвовать в мероприятии, но вовремя вспомнили, что собираются строить в области совместное предприятие по переработке гречихи, которая издавна является коньком местного сельского хозяйства, а потому не мешало бы подружиться с местными властями и заручиться их поддержкой.

Для семинара все было готово еще в прошлом году, но непредвиденное трагическое обстоятельство помешало его проведению. Некоторое время вообще считалось, что проект прогорел, но пришло время, и вот пожалуйста, действие состоялось! Гости приехали – пестрая заморская компания, свои собрались – городская администрация, пресса, деятели культуры.

Марат Николаевич занимает центральное место в президиуме. По обе стороны от него расположились почетные гости. Марат Николаевич выжидающе смотрит в зал. Дождавшись относительной тишины, он поднимается и говорит мужественным баритоном:

– Уважаемые дамы и господа! Мы собрались сегодня в зале Центра по развитию культурных и деловых связей с Францией, более известного как Французский центр, чтобы принять участие в замечательном, я бы сказал историческом, событии в жизни нашего города, о котором будут вспоминать наши дети! – Он переждал легкий шелест и смешки в зале. – Я говорю о международном семинаре «Культура, мораль и терпимость». Почему, спросите вы, такая необычная тема? Почему не экономика, политика, Интернет? Что было бы гораздо ближе по духу к той сфере, в которой вращаются оба спонсора, – торговле? Почему такие вечные, я бы сказал, вневременные темы, как культура, мораль и терпимость? Что можно сказать о них в наше жестокое время, когда идет борьба за выживание? Да и существуют ли они сегодня, когда мир превращается в *global village*, когда чудовище с разинутой пастью, образно выражаясь, глобализм, наступает на всех фронтах, размывая сами эти понятия до набора расхожих фраз-штампов, в которые уже никто не верит? Может, это понятия вчерашнего или даже позавчерашнего дня? – Оратор делает долгую паузу и обводит глазами зал. – Нужны ли они нам

теперь, как взаимосвязаны и что такое общество, лишенное культуры, морали и терпимости, – вот вопросы, на которые мы попытаемся все вместе найти ответ.

Лицо Марата Николаевича серьезно и вдохновенно, он проникнут сознанием важности происходящего. Переждав жидкие аплодисменты, он говорит теперь голосом менее торжественным, напоминая радушного хозяина, встречающего гостей.

– Позвольте представить вам наших гостей – участников семинара. Я уверен, вы знакомы с господином Ги де Малло, который присутствовал на открытии Французского центра и который так часто бывает в нашем городе, что я даже не уверен... – Марат Николаевич якобы беспомощно умолкает, но, собравшись с силами, продолжает, – ...можно ли назвать его гостем. Возможно, городской администрации пора рассмотреть вопрос о предоставлении господину де Малло статуса почетного горожанина... – Он с улыбкой переживает аплодисменты и одобрительный смех в зале.

Господин де Малло вскакивает со своего места, прижимает руки к груди, радостно улыбаясь, раскланивается направо и налево. Это маленький изящный человек со смуглым приятным лицом.

– Бонжур! – говорит он сипловатым голосом французских шансонье и добавляет по-русски: – Очень спасибо, рад, благодарю, весьма!

Он машет обеими руками отдельно, затем соединяет их в замок, поднимает над головой и снова машет. Зал, в лучших традициях дружбы народов, радостно машет в ответ.

– Профессор Шаши Мангула, наш почетный гость из Индии, – продолжает председатель. Темнолицый немолодой человек встает и с достоинством раскланивается.

– Господин Жерар Гюбер, – представляет следующего гостя Марат Николаевич, дождавшись, когда профессор Мангула усядется на свое место. – Директор библиотеки Парижского исследовательского центра по вопросам информационной этики и авторского права.

Поднимается крупный, атлетического сложения мужчина с усами д'Артаньяна, кланяется, улыбаясь, разглаживает правый ус.

– Мадам Эльза Эсперанца Кунц-Барбера, председатель Центра по культурным связям со странами мира, Буэнос-Айрес!

Сухощавая черноволосая дама с горящими глазами кивает, улыбаясь, подносит к губам микрофон и старательно произносит:

– Здраф-ствуй-те! Очень ра-да!

– Господин Лешек Конопницкий, заведующий отделом Краковского исторического музея.

Аплодисменты!

– Госпожа Лидия Даль Доссо, председатель Культурного фонда д'Аннунцио, Италия.

Бурные аплодисменты! Госпожа Лидия Даль Доссо, растрепанная седая дама лет шестидесяти в ярко-красной хламиде, которая с нетерпением ожидала своей очереди быть представленной, вскакивает с места, громко кричит: «Буонджорно!» и посылает присутствующим воздушные поцелуи. Она даже слегка подпрыгивает при этом, звеня многочисленными украшениями, демонстрируя бурный средиземноморский темперамент. Задевает рукой бутылку с минеральной водой, опрокидывает ее, ловит на лету, со стуком ставит на стол, радостно смеется.

И так далее.

Гостей всего восемь. Закончив представление, Марат Николаевич предлагает почтить минутой молчания память замечательного человека, чьими стараниями был создан Французский центр, которому, к сожалению, не довелось самому... Евгения Антоновича Литвина. Зал дружно поднимается, захлопав сиденьями кресел.

Юлия сидела в третьем ряду слева. Марат Николаевич убеждал ее сесть в президиуме, но она отказалась. Рядом с ней сидела ее близкая подруга Ирка, жена Марата Николаевича,

Маратика, или просто Марика для своих, которая с удовольствием бы заняла место в президиуме, но никто ей этого не предложил. Ирка ядовито шипела в ухо Юлии:

– Нет, ты посмотри на него! Голос, манеры, щеки надул – дипломат хренов! Хлебом не корми, дай языком помолоть! А морда! Ты только посмотри на эту морду, Боже ж ты мой, аристократ! Благородный отец! Ну, полный абзац! Я сейчас уписаюсь!

Ирка, тощая, вертлявая, с сильно накрашенным лицом, в шикарном золотом платье, прикрытом черной кружевной шалью на время официальной части, с блестящими побрякушками на шее и в ушах, была похожа на райскую птицу. И Юлия как-то особенно остро почувствовала свою бесцветность – монашеское черное платье, скромную прическу и отсутствие макияжа. Ей было неинтересно. На семинар ее вытащила Ирка, которую, разумеется, интересовали не столько проблемы культуры и морали, сколько прием после семинара. Она вертела головой, рассматривая публику, и делилась впечатлениями с Юлией, которая слушала вполуха.

– Ты посмотри на первую леди! – хихикала Ирка. – Ты посмотри, что эта идиотка на себя напялила! Умора! Куда смотрит имиджмейкер? Есть же у них там кто-нибудь по пиару! Разве можно выпускать ее на люди в таком прикиде?

А примадонна! С ума сойти! Ты только посмотри на нее! Великая актриса, Мэрилин Монро! Подтяжку в столице делала, золотые нити вставила, Речицкий проспонсировал, теперь можно играть, как на барабане! Вот увидишь, на приеме будет клеить француза с усами. *Директер де ля библиотек!* А де Малло похож на педика, боевой соратник твоего Женьки. Видела бы ты, как он к Марику присосался, с ума сойти! Так и кинулся. Слушай, а может, и усатый, а? С французами никогда не знаешь. Хотя и у нас теперь этого добра навалом!

А Марик, Марик! Ты только посмотри, как этот подхалим вибрирует – как же, за начальство подержится, как за папу римского, водичку наливает, а морда, морда! Как же, при исполнении, генеральный директор! Ты знаешь, он уже и статью заказал, Лешка Добродеев, журнала недоделанный, сочиняет. Твой дружок, между прочим.

Юлия сидела вялая, безучастная, не испытывая ни малейшего интереса к происходящему. Раз или два она улыбнулась, слушая Ирку, но больше всего ей хотелось домой. Хотелось снять платье, которое было ей велико, сбросить туфли, заварить чай покрепче и улечься перед телевизором, выключив звук. Смотреть, не вникая в мельтешение лиц и рекламных картинок. Она не жалела, что пришла сюда, но сейчас ей хотелось домой. Ирка права, ей надо бывать на людях. Кто ж спорит...

У Ирки приятные духи, надо будет спросить, как называются. А платье чересчур яркое, даже глазам больно; но, подумала Юлия уже в который раз, как ни странно, ей идет. Сама Юлия ни за какие коврижки не надела бы такое, но на Ирке платье смотрится. Удивительно, но на Ирке смотрится решительно все: и рокерская кожаная куртка в металле, и джинсы в обликпу, расшитые бисером, и мини-юбки, едва прикрывающие задницу, и блестящие майки с вырезом до пупа, и усыпанная камешками, расшитая кружевами джинсовая роба – последнее приобретение, по слухам, последний писк моды.

Марик, уважаемый, безукоризненно одетый, с подобранными в тон костюму галстуком и носками, только вздыхал, глядя на варварские женины туалеты, а однажды, не выдержав, с горечью пожаловался Юлии, что Ирка одевается, во-первых, не по возрасту, а во-вторых, абсолютно безвкусно, и ему бывает за нее неловко, и что было бы неплохо, если бы она, Юлия, повлияла на Ирку по старой дружбе. Юлия только рассмеялась в ответ – переубедить Ирку, если она твердо решила натянуть розовые колготки под голубую юбку, никому не под силу.

– Марик, не переживай ты так, – сказала она ему. – Ирка что ни наденет, ей все к лицу. Согласись, ни одна женщина не умеет носить вещи, как Ирка. А это редкое искусство, поверь мне!

Марик только вздохнул в ответ – то ли согласился, то ли нет.

– Юлька, смотри! – Ирка ткнула Юлию локтем. – Смотри, жена Грабаря! Верста коломенская! Моделька, ни рожи, ни кожи, ни сисек! Лечится от бесплодия, грехи бурно проведенной молодости. Его первая смотрелась намного лучше. Но они ж все, как сделают первый миллион, дуреют и кидаются на молодых. Никому не нужны старые клячи! Ты б видела ее норку! Дизайнерская, отвалил немерено!

В перерыве Ирка вытащила Юлию в фойе. К ним подходили, здоровались, с любопытством поглядывали на Юлию, говорили, что она прекрасно выглядит. Ирка сияла. Она, в отличие от Юлии, прекрасно чувствовала себя в толпе. Она цепляла знакомых и полужнакомых, хохотала, играла глазами. Казалось, она пьянела от взглядов, начинала говорить двусмысленности, заигрывала с мужчинами в присутствии жен, ее несло и, бывало, заносило слишком далеко. Доходило до скандалов – однажды оскорбленная жена обозвала ее хамкой, а Ирка вцепилась ей в волосы; в другой раз она выплеснула бокал шампанского в лицо какому-то типу, который распустил руки.

Ирка громко смеялась и кричала Юлии:

– Юлька, ты чего такая кислая? Встряхнись! Жизнь продолжается!

Появился Марик, сунулся было к ним, но, увидев, в каком состоянии жена, тихо исчез.

Прима, как и следовало ожидать, всю кокетничала с директором библиотеки, похожим на д'Артаньяна. Она, красиво прищурившись, держала за тонкую ножку фужер с шампанским и рассказывала о пьесе, где она играет известную французскую актрису с трагической судьбой. Говорила она по-французски, запинаясь и помогая себе руками. Сверкали кольца.

– Уи, мадемуазель, уи, – повторял француз, подкручивая мушкетерские усы и улыбаясь. – Да, да, абсолюмо!

Мэр подружился с индийским профессором Шаши Мангулой и через переводчика делился с ним своими мыслями по поводу окружающей среды.

Юлии все больше хотелось домой. «Забиться в нору», – подумала она. Любопытство людей смущало и раздражало ее. Она чувствовала себя старухой в своем черном монашеском платье и представляла, как сбрасывает его и заворачивается в широкий мягкий халат столетней давности и устраивается с чашкой чая на кухне перед маленьким телевизором. Или на широкой мягкой тахте, потеснив теплого спящего Лапика, включает торшер под желтым абажуром и открывает книгу. Ей хотелось оказаться среди знакомых предметов и родных запахов. Она уже собиралась сказать Ирке, что уходит, как вдруг увидела...

К ним пробирался сквозь толпу высокий парень. Глаза их встретились, и Юлия вспыхнула. Она подумала, уже в который раз, что он похож на... какого-то актера! Что-то связанное с драками и мордобоем. Как же его? Не вспомнить...

– Добрый вечер! – парень внимательно, без улыбки смотрел на Юлию.

– Я Ирина! – вылезла Ирка, протягивая ему руку. – Подруга Юлечки. А вы...? – в глазах ее прыгали черти.

– Юлии Павловны, – машинально поправила Юлия.

– Мы с тобой девушки молодые! – засмеялась Ирка. – Можно и по имени!

– Очень приятно, Ирина! Я – Алекс, – парень подержал Иркину ладонь в руке и добавил, обращаясь к Юлии: – Я хотел прийти, когда узнал про Евгения Антоновича, но как-то так получилось... не сумел. Я узнал не сразу, я уже не работал в «Торге»... Мне очень жаль, он был замечательным человеком...

– Спасибо, – выдавила из себя побледневшая Юлия.

– Я принесу вам что-нибудь? – полувопросительно сказал Алекс.

– Мне вина! – закричала Ирка.

– Спасибо, мне воды, – сказала Юлия.

– Шикарный мужик! – вздохнула Ирка. Они обе смотрели ему вслед.

– Откуда ты знаешь?

– Чувствую! Я, к сожалению, их чувствую, и никаких иллюзий. Всю их породу можно разделить на три типа. Или четыре. Марик – раз! – Ирка загнула мизинец. – Твой Женька – два. Всякая шушера – три.

– А кто же тогда... он? – проявила слабый интерес Юлия.

– Новое поколение, – ответила Ирка серьезно и загнула большой палец. – Они – другие.

Четвертый тип!

– В чем другие?

– Индивидуалисты! В комсомоле не состояли. Не затраханы идеологией. Рассчитывают только на себя. Идут к цели напролом и уверены, что любые средства оправданы. Именно в этом они идеалисты. И сегодняшний семинар – фигня, так как мораль им не нужна. А главное их качество – молчание. Они идут к цели молча, как волки. Если бы ты знала, как мне нравятся молчаливые мужики! Марик с его вечным трепом у меня уже вот где! – Она провела ребром ладони по горлу. – Рот не закрывается, а как до дела – извините!

– Откуда ты все про них знаешь?

– Сочиняю, – засмеялась Ирка. – У меня всегда было богатое воображение. Вот я и воображаю. Кто он такой?

– Работал у мужа, – сказала Юлия и зачем-то добавила поспешно: – Я его почти не помню, так, видела всего раз или два...

Ирка взглянула внимательно, ухмыльнулась и спросила в лоб:

– Между вами что-то было? – Она была неплохим физиономистом...

– Ты с ума сошла! – воскликнула Юлия. – Что ты несешь? Я его совсем не знаю!

– Ладно, мать, не парься! Шутка. Куда тебе... А вот я бы его не пропустила. Может, сбежим? Он вроде один. Женат, не знаешь?

Юлия пожалала плечами и отвернулась. Ирка была ей неприятна...

Вернулся Алекс. Протянул Юлии высокий стакан с соком, а Ирке – бокал с красным вином.

– Воды, к сожалению, не было.

– Спасибо, – сказала Юлия. – А вы ничего не пьете?

– Мне еще работать. Если я выпью, ночь пропала. Совсем не переносу алкоголя.

Он смотрел на Юлию без улыбки, внимательными темно-серыми глазами, и она подумала, что он жалеет ее. И еще – он все помнит, он ничего не забыл. Она отвела взгляд, ей было не по себе.

– По ночам нужно заниматься совсем другими делами, – хмыкнула Ирка, стрельнув глазами, отпила из своего бокала и облизала губы, как героиня порнофильма.

– Я, пожалуй, пойду, – сказала Юлия, чувствуя тоску и раздражение. Ей была отвратительна нетрезвая Ирка, откровенно заигрывающая с Алексом; его жалость была Юлии неприятна. Она вдруг вспомнила, что плохо одета – платье висит на ее исхудавшем теле, как на вешалке, и не покрашена, о том, что давно не рассматривала себя в зеркале... Почувствовала – еще минута, и она разрыдается. И мутный осадок вины, которая никуда не делась... и уже не денется.

– Ты чего? – воскликнула Ирка. – А прием? Оставайся! Марик отвезет. – С нее мгновенно слетел весь напускной кураж, в глазах появилась растерянность. – Юлечка, ты чего? Плохо себя чувствуешь?

– Нет, просто устала немного, не беспокойся. Отвыкла от толпы. Потом расскажешь, ладно?

– А может... Хочешь, я с тобой?

– Нет! Оставайся.

– Отвезти вас? – предложил Алекс, по-прежнему не сводя с нее внимательного взгляда.

– Нет, спасибо, – сухо поблагодарила Юлия. – Я на машине. Не беспокойтесь, – сказала она и, кивнув им, неторопливо пошла к выходу, стараясь держать спину прямо, зная, что они смотрят ей вслед. Ее пропускали, с любопытством здоровались, пытались заговорить, но она шла как автомат, молча, с трудом сдерживаясь, чтобы не закричать: «Оставьте меня в покое! Все!» Ей хотелось растолкать всех и броситься к выходу, в темную ночь, в пустую улицу. Ей было страшно. Яркий свет и мельтешение лиц пугали ее. Она отвыкла от толпы и такого света, ей казалось сейчас, что она раздета и они все рассматривают ее с жадным и недобрым любопытством. Это было не так, конечно, и она понимала это, но остановиться и заставить себя ответить не могла, испытывая даже не страх, а ужас...

Она добралась до машины, рухнула на сиденье и закрыла глаза. Приступ постепенно проходил. Дрожащей рукой она вставила ключ в замок зажигания. Мотор ожил...

Глава 3 Тени...

*Прощальные стихи
На веере хотел я написать —
В руке сломался он.
Маццо Басё (1644—1694)*

– Я самая счастливая девочка на свете, потому что вы все у меня есть!

Юлия, улыбаясь, держала в вытянутой руке бокал с красным вином, искрящимся в свете ослепительной парадной люстры. Сверкал хрусталь праздничного стола, матово светилась скатерть, до звона накрахмаленная Лизой Игнатьевной, прохладно сияло столовое серебро.

– И у меня сегодня день рождения! Хотя, – продолжала она задумчиво, – я давно уже не девочка... – Уголки губ ее опустились, взгляд стал рассеянным. – Время бежит так быстро! – пожаловалась она. – Дни мелькают, просто безумие какое-то... не успеваешь... подумать... подумать... – Она вдруг рассмеялась: – Я, кажется, слегка... – Она сделала неопределенный жест рукой. – Слегка... самую малость... Я вся в тебя, мамочка, – ты, когда выпьешь, начинаешь хохотать, а папа непременно скажет: «Ну, начинается!»

О чем я? Ах, да, о времени! – она вдруг хлопнула ладонью по столу и сказала громко: – Эй, время, стой! Хоть на минуту! Хоть на секунду! Нет, на секунду мало, этого никто не заметит. Лучше на час. Или нет! Лучше вернись назад... Я подумала недавно, что вокруг нас становится все меньше и меньше тех, кто помнит нас маленькими... в распашонке, с первым зубом, в школьном платье, в белом фартучке...

Мамочка, помнишь, как горько я плакала, когда кошка Муся отняла у меня котлету? Я не помню ни Муси, ни котлеты, помню только, как ты рассказывала. А однажды я потеряла школьный портфель! И плакала от страха перед учительницей Людмилой Григорьевной, которую боялась, а вовсе не потому, что мне было жалко тетрадки и букварь.

«Тонкослезка!» – говорила соседка-портниха тетя Катя. У нее еще была такая странная фамилия... сейчас... сейчас... Вспомнила! Шарварок! Екатерина Даниловна Шарварок! А ее мужа звали Василий Иванович, был он военный доктор и носил длинные седые усы, как у Тараса Бульбы.

Я действительно часто плакала... по всякому поводу... и без повода. Кто-то сказал, одна французская писательница, страшно модная когда-то, что дети даже плачут радостно... радуется, благополучные дети, а не голодные. Я была благополучной девочкой! Ты, мамочка, берегла меня от малейшего дуновения... жизни, не говоря уже о тебе, папуля. Юлечка, деточка, свет в окошке, красавица, умница, самая-самая... Лучшее – детям! Юлечка! И никак иначе!

Одна ты, бабушка, называла меня Юлькой. «Юлька, паршивая девчонка! – кричала ты. – Опять с мокрыми ногами! Опять с непокрытой головой ходишь! Опять урок музыки пропустила! Ох, возьмусь я за тебя, ты у меня дождешься!»

А я тебя, бабочка, нисколько не боялась... Мир вокруг меня был полон ласки, тепла, обожания. Я никого не боялась! Я была как тепличное растение под колпаком с особым микроклиматом. Бабушка, помнишь, ты говорила, что у всякого человека есть ангел-хранитель? У меня их было много. Вы все были моими ангелами-хранителями. А потом у меня появился еще один – я встретила Женьку, и вы передали меня новому ангелу... из-под одного колпака – под другой.

Жень, ты помнишь, как мы воровали малину в чьем-то саду? Ночью, в грозу? Ты снял рубашку, и тело твое, гладкое и сильное, как у дельфина, блестело от дождя в сполохах молний, а крупные ягоды малины казались черными! Мы рвали их и жадно запихивали в рот, давясь

и умирая от хохота... под оглушительные раскаты грома прямо у нас над головами. Я видела красные царапины от малиновых колючих стеблей на твоих плечах... Ты был красив, как языческий бог... А потом мы вдруг перестали рвать малину...

Ты смотрел на меня, и даже в темноте я чувствовала твой взгляд, и сердце мое сжималось от сладкого ужаса. От предчувствия того, что должно было произойти... Твои губы были холодны от дождя и пахли малиной... Мы целовались поспешно, жадно, неумело – я, во всяком случае... Так же, как за минуту до этого глотали малину, прижимая ягоды к небу языком, расплющивая их там и давя, и вытирали с лица малиновый сок пополам с дождем... Целовались, как никогда потом... Помнишь, Женька, что было дальше? Помнишь? Ты прижал меня к себе, мокрому, скользкому, исцарапанному малиновыми стеблями, так сильно, что я задохнулась... и заплакала...

«Тонкослезка», – говорила тетя Катя Шарварок. Я плакала, громко всхлипывая и подвивая, сама не знаю, почему, от счастья, наверное... не умея выразить иначе то, что рвалось из меня... А ты целовал мое мокрое лицо, на котором смешались слезы, дождь и сок малины, и приговаривал: «Глупая, не плачь! Я люблю тебя! Я очень тебя люблю! Я никогда тебя не обижу!»

Ты сдержал свое обещание, Жень! Никогда! Прожито, как один день. Жизнь, как день! Ни добавить, ни убрать, только сожалеть можно...

Она задумалась, подперев руками подбородок.

– А помнишь, как ты танцевал в лесу, Жень? Помнишь? Был ноябрь... и холодно уже... Деревья почти облетели. И небо было синим, бездонным и холодным. И солнце светило, тоже холодное. Белое и холодное. Мы пришли в лес на нашу летнюю поляну, у нас было вино, и мы выпили его прямо из бутылки, и стали есть большое желтое антоновское яблоко, одно на двоих, откусывая по очереди. Яблоко было холодное и кислое... И ты стал танцевать, чтобы согреться, смешно подпрыгивая, сунув озябшие руки в карманы короткой курточки... фальшиво напевая строчки известного барда из песни про вальс-бостон... как там...

«Постой, не уходи, побудь со мной, ты мой каприз... – кричал ты на весь лес, кружась. – Удивительный сон, в котором осень нам танцует вальс-бостон... хрипло пел саксофон...»

Ты так смешно кружился, выбрасывая ноги, а я заливалась глупым счастливым смехом... Смех от радости часто кажется глупым, потому что для него не нужно никакой видимой причины. А ты все танцевал и танцевал, кружась и подпрыгивая... Светило низкое солнце, слегка теплое, роса блестела на траве – растаявший ночной иней...

Юлия смеется.

– За вас, мои дорогие!

Она залпом выпивает вино и тянется к сине-белому блюду, полному клубники. Рука ее застывает на полпути, словно она передумала, падает, громко клацнув кольцами о стол.

– Я всех вас ненавижу! – вдруг громко и отчетливо произносит она. – Ненавижу! Ненавижу! – кричит она, захлебываясь собственным криком...

Хватает бокал и швыряет им в стену... Пронзительно звякнув, бокал разлетается вдребезги... осколки сыплются на пол. Юлия хватается другой бокал, размахивается... бокал летит вслед за первым... Со звоном, сыплются на паркет кусочки тонкого стекла...

– Не хочу! – кричит она. – Не хочу! Ненавижу! Где вы все? Все ушли! Все вместе!

Сначала ушла ты, бабочка! Потеряв память, перестав узнавать нас всех. Ты поднималась рано утром и принималась ходить по квартире, бормоча, что Юлька, вредная девчонка, опоздает в школу, а когда я приходила с маленьким Денькой, ты называла нас «та женщина с ребенком». Я брала тебя за руку, и ты, растерянная и непонимающая, смотрела на меня большими тоскующими глазами и осторожно отнимала руку. Это было страшно. Под конец жизни ты оказалась в незнакомом месте, с незнакомыми людьми. Ты – такая сильная, жизнерадостная и

неунывающая. Иногда мне кажется, что я тоже оказалась в незнакомом месте, и незнакомые люди вокруг, и я вожу взглядом по чужим лицам, никого не узнавая.

Потом умер ты, папа, – читал газету на диване и умер. Врач «Скорой помощи» сказал тогда: «Красивая смерть, он и не почувствовал. Дай Бог всякому».

Потом ты, мамочка... уходила долго и мучительно.

Потом Женька... «Будь самой горькой из моих потерь, но только не последней каплей горя»... Ты, Жень, самая горькая из моих потерь и последняя капля горя! Ушел, как жил – стремительно, в одночасье, до времени, ничего не сказав на прощание...

Бокалы разбиваются один за другим. И только когда разлетелся последний, пятый, за которым ей пришлось тянуться через стол, и наступила тишина, она услышала, что в дверь звонят...

– Таких, как твой Женька, больше нет. Все! Штучная работа.

Ирка хлопнула ладонью по подушке. Они уютно устроились на мягкой и широкой тахте в гостиной Юлиного дома. На маленьком столике у тахты – бутылка с вином, рюмки, виноград в вазе и коробка вишни в шоколаде. Они болтают о знакомых и всяких мелких и незначительных событиях, которыми полна их жизнь, о том, о чем обычно болтают женщины, когда сходятся вместе, тем более – старинные подруги, которым есть что вспомнить. Юлия, печальная, бледная, исхудавшая после смерти мужа, и Ирка, язва Ирка, неунывающая стерва с раздвоенным язычком, чьи словечки и характеристики прилипают намертво – не отдерешь, которая пытается развеселить ее.

– Ты что, теперь всех мужиков будешь с ним сравнивать? Гиблое это дело – сравнивать, поверь, по себе знаю! Хотя и сравнивать-то особенно не с кем и некого. Моя первая большая любовь, Павлик Морозов! – Ирка расхохоталась. – Помнишь? Красавец под два метра ростом, кругом положительный и правильный. Отличник, победитель олимпиад, надежда и опора отечественной науки. Веришь, я первая его... трахнула, можно сказать. Я, я сама! Он до свадьбы не хотел, видите ли. Идиот! Мне бы тогда еще подумать, что странно это, в жизни так не бывает, разве что в мексиканском сериале... «Он ее бережет», – называется. Из серии «Честные и порядочные». А я, дура, радуюсь. Бережет – значит, любит. Не то что другие... которых просить не надо! Умный, честный, принципиальный, будущий ученый с мировым именем, кандидатская, докторская, кафедра в столице, нобелевка, приемы, загранпоездки... И я, верная подруга великого человека, в скромном вечернем туалете, скромные бриллиантики в ушках, глазки опущены – жена, лингвист-полиглот-референт, помогаю мужу в его деятельности, перевожу статьи из научных журналов, библиографию составляю, тексты правлю... А он, красавец – глаз не оторвать, в смокинге, принимая медаль... или что им там дают, говорит: «Всеми своими успехами я обязан жене, моей верной помощнице и замечательному человеку... Ириша, родная...» Голос его дрожит... Трогательная пауза, все дружно начинают хлопнуть носами, лезут в разные места за носовыми платками... – Ирка делает драматическую паузу, потом вдруг орет: – Как же, нобелевка! Кафедра в столице! Щас! Фиг вам! Он же всех достал своей принципиальностью и занудством, своими жалобами в вышестоящие инстанции. Писатель гребаный! То ему компьютер со слабой памятью дали, а кому-то «Пентиум» последней модели обломился, то кабинет отдельный пообещали, да снова не дали, то в отчете отметили не так, как надо, то премии не выделили, то штаты раздуты и бездельников полно. Какая наука, если борьба за справедливость не за жизнь, а за смерть! Его же первого и выперли из института по сокращению. Так он на них в суд. Папочку завел, ходит, бумажки подкалывает, с адвокатами перезванивается. Цитирует классика. Как сейчас помню: «Лишь тот достоин счастья и свободы, кто

каждый день идет за них на бой!»¹ Тот сказал да забыл, а этот вооружился. Бац – проиграл! Бац – снова облом! Что было, вспомнить страшно!

Она умолкает и задумывается. Потом продолжает:

– А дома! Я ему уют создаю, рубашки крахмалю, обеды из пяти блюд готовлю, жду, ласковая, покорная, любящая, вся образцово-показательная...

Юлия не выдерживает и улыбается. Покорная! Кто бы другой, но не Ирка!

– Не веришь? – спрашивает Ирка, ухмыляясь. – И зря! Клянусь, из пяти блюд! Ну, из четырех, если без компота. А он за столом вилку с ложкой протирает салфеткой, стаканы на свет рассматривает... Я в ресторане глаза поднять не смела, мне казалось, все на нас пялятся, а он все трет и трет, заразы боится. Дыхнет и полирует, дыхнет и полирует!

Убила бы! У мамы тетка была, так та тоже вилки с ножами за столом протирала, мне так и хотелось ей на голову тарелку с супом надеть. И руки Морозов все время мыл, и пережевывал по тридцать два раза каждый кусок, чтобы помельче, в кашу. Вычитал где-то, что нужно именно тридцать два раза и никак не меньше, чавкал и считал. Представляешь, за столом гробовое молчание, морда сосредоточенная – жует и считает. И ни-ни голос кому подать – собьется, не дай бог! А врачей так просто обожал! Да нормальный мужик от них, как черт от ладана, а этот сам ходил. Хорошо, хоть детей не успели... Семь лет коту под хвост!

А Марат... – продолжает она, – сама знаешь. Звезд, конечно, с неба не хватает, но... хоть не сопротивляется, прислушивается к умным советам. Хотя все равно без толку. Ты знаешь, твой Женька из него человека сделал. Он теперь хоть соображает, что к чему. Просто удивительно, как не похожи бывают дети на родителей, – Ирка задумывается на минуту. – Отец – полковник авиации, ооновский миротворец, жесткий мужик, разговаривать не умеет – привык команды отдавать, раз-два, строем марш! По загранкам всю жизнь мотается. Семья часто толком и не знала, где он миротворствует. Позвонят какие-то люди, передадут привет: все в порядке, все нормально, мол. А деньги по аттестату, переводом по почте. А когда дома – упаси бог опоздать к обеду! А Маратик в мамочку, такой же рас... разгильдяй, безобидный, как... как... – Ирка подыскивает сравнение пообиднее: – Амеба! Самая настоящая амеба! Я-то думала, папаша его в дипломаты пристроит, языки знает, а что не карьерный... так у них теперь кто попал в посольствах! Батя рассказывал, все детей своих за границу попристраивали. Как подумаешь, кто внешнюю политику делает, – ужас просто! Маратик ничуть не хуже... правда, и не лучше. Фиг! Батю поперли из миротворцев, то ли место кому покруче уступить пришлось, то ли прокололся на чем-то... А Марик, дипломат недоделанный, и я с ним, у разбитого корыта. Если бы не Женька... даже не знаю!

Она задумчиво крутит на пальце массивное серебряное кольцо с бирюзой. Потом говорит уже совсем другим голосом:

– Слушай, а это правда, что Ситников хочет купить ваш «Торг»?

– Ситников? – Юлия удивлена. – Не знаю, мне он ничего не говорил. Откуда ты знаешь?

– Он же с тобой встречался, – небрежно роняет Ирка, не глядя на Юлию, умирая от любопытства.

– Встречался, но предложений никаких не делал. Просто зашел проведать. Спросил, надо ли чего.

– А... – тянет Ирка. – Ситников крутой мэн, если задумал что – лапки кверху и сразу сдаваться. А вообще-то такому сдать одно удовольствие, – говорит она мечтательно. – Это не мой Маратик. А может... – она искоса смотрит на Юлию, – а может...

– Что?

¹ Фраза из трагедии «Фауст» немецкого ученого и поэта Иоганна Вольфганга Гете.

– А может, он... виды на тебя имеет? А что? Молодая богатая вдова, – в голосе Ирки ревнивые нотки. – Он мужик свободный. Ты ему особенно не доверяй! И бизнес Женькин продавать не спеши. Марик пока справляется.

– Я все равно в этом ничего не понимаю, – говорит Юлия. – Но, если подумать, зачем он мне нужен? Морока одна.

– Никакой мороки! Это ведь Женькино дело, сколько его мордой об стол били, пока пошло, а? Вспомни! Нельзя продавать, не спеши. И Денька вернется, не вечно же ему по свету болтаться, блажь выветрится когда-нибудь. Наследник все-таки! И не думай!

Юлия и Ирка жили в одном дворе, ходили в одну школу, вместе поступили в институт на иняз. Почти одновременно вышли замуж – Юлия за Женю Литвина, студента политеха, Ирка – за Володю Вербицкого, студента того же политеха. Потом Юлия родила Дениса, Деньку, а Ирка развелась с Володей и через год вышла замуж за Марика. Они очень разные, что тогда были, что теперь. Авантюристка Ирка и положительная девочка Юлия. Ирка – тоненькая, угловатая, длинная челка закрывает глаза. Кривоватые ноги в традициях подросткового угловатого имиджа, вихлявая походка. Челка до бровей в двадцать, челка до бровей в тридцать, в тридцать с гаком, взгляд исподлобья все тот же, не изменился. Хотя нет, изменился. Оценивающе-откровенный в двадцать, по-детски наивный в тридцать. И в тридцать с гаком еще более наивный, еще более детский, еще более беззащитный.

Интересное было поколение, появившееся в одно прекрасное застойное время, странный гибрид из наследниц тургеневских девушек и девушек эпохи активного строительства коммунизма в отдельно взятом регионе. «Умри, но не давай поцелуя без любви» плюс «Комсомол – надежный помощник партии!». Интересное и счастливое в неведении жизненных искусств. Дружно маршировавшее к высоким целям. И на этой вполне здоровой почве произросло вдруг ядовитое растение с яркими и порочными цветками – ветер занес злые семена откуда-то изда-лека, не иначе! Мужчины, завидев Ирку, столбенели и укладывались в штабеля, согласно мечте героини одного старого наивного фильма, а она за чашечкой кофе или бокалом сухого вина, «сухарика», как они его называли, порочная и опытная, рассуждала о мужчинах в группке наивных подружек, мечтающих о прекрасном принце.

Тьфу! Какой прекрасный принц? Любой, просто принц, любой масти, пусть даже черный, как сапог, из какой-нибудь Центральной Африки или Азии – тогда да!

– Положение, деньги, связи! – чеканила Ирка.

– А любовь? – спрашивали наивные дурочки, примеряясь: а не устроить ли диспут под названием «А если это любовь?».

Ирка загадочно пожимала плечами, накручивая на указательный палец блестящую каштановую прядку... О, она могла бы порассказать такого, эта Ирка...

Ох, эта Ирка! Сейчас таких, как Ирка, – пруд пруди, в наше время наивных девочек больше нет, перевелись как класс. Экономика диктует жесткие правила выживания, и девочки взрослеют быстро. А тогда... «Ты не права, Ириша, а любовь? Как же без любви? Подумай сама, Ир, как же без любви?» Само слово «любовь» заставляло сердце томительно сжиматься в сладком предчувствии, ожидании и надежде... ах! Ирка обидно хохотала: положение, деньги, связи!

Несмотря на отличное знание теории, на практике Ирке не везло. Блестящая партия – Володя Вербицкий: положение, деньги, связи плюс нобелевка в недалеком будущем, – увы, увы! Даже вспоминать не хочется. Марат, Марик, солидный, уверенный в себе, с манерами наследного принца, – блестящая партия номер два, светило отечественной дипломатии, обещание великосветских раутов и тусовок – и снова, увы. Несколько интимных друзей, на которых она всерьез рассчитывала – как оказалось, совершенно напрасно. Ну, ничего, еще не вечер, обломы в прошлом – не повод для уныния, а наоборот, бесценный житейский опыт. Кто предупрежден, тот вооружен. Жить нужно настоящим, не теряя даром ни минуты.

Как-то незаметно, несмотря на неудачи на личном фронте, Ирка взяла на себя роль путеводной звезды для сексуально отсталой Юлии.

– Женька? Что ты в нем нашла? – саркастически вопрошала Ирка. – Хороший парень, но бескрылый. Такой просидит всю жизнь на копеечной зарплате инженера и не почешется. Беден, но честен, как Иванушка-дурачок из одноименной сказки. На этом капитале не пробьешься!

И опять промахнулась Ирка. У Женьки оказался сильный и предприимчивый характер, аналитические способности... Как раз то, что нужно в наше смутное время экономического разгула. Кто бы мог подумать!

Мы часто слышим рассказы о необыкновенных людях, с которыми постоянно случается невезь что, причем раз за разом. То в человека бьет шаровая молния – чем-то он ее притягивает. Раз пять или шесть, а то и больше, и чуть ли не подряд. Другой ее за всю жизнь ни разу не увидит, так и помрет в неведении, а в какого-нибудь Ивана Семеновича, скромного зоотехника из фермерского хозяйства «Заря капитализма», молния лупит и лупит, прямо спасу нет!

А этот побывал уже в шести автомобильных авариях, к своей машине подойти боится, только с шофером. Чувствую, говорит, добром не кончится! Ладно, машина, а если самолет?

А еще один проваливается под землю, в какие-то засыпанные колодцы и шахты, которых и на карте-то ни одной нет, и старожилы их не упомянут, а его несет в нужное место – грибы он там собирает, видите ли, тысячи людей прошли, и ничего! А он раз – и готово. Провалился!

Женька, как оказалось, был из породы таких же везунчиков. Ему не валились на голову метеориты, но он умел находить клады. Чувствовал деньги, другими словами. О, деньги – это особая статья! Еще древние придумали сказку о царе Мидасе, которому достаточно было прикоснуться к любой вещи, чтобы вещь эта немедленно превратилась в золото. Женька обладал тем же даром, что и древний царь, – он делал деньги из воздуха. И в условиях экономической свободы, не стесненный никакими законами, дар его расцвел пышным цветом. Он торговал металлоломом, перегоняя составы в Европу, к немцам, или на Дальний Восток, где сбывал японцам; поставлял сухое молоко, закупленное в Германии, в Африку; торговал целебными травами, алмазами, запрещенной слоновой костью, энергоносителями. И вдруг стал очень и очень богат.

– Да, – признала однажды Ирка, – Женька твой... кто бы мог подумать! А Маратик опять без работы, очередное сокращение. В депрессии, валяется на диване. Кроссворды решает. И все время к холодильнику – туда-сюда, туда-сюда! Зла на него не хватает, лузер! Может, попросишь Женьку, а? Если ему нужен эскорт-сервис для импортных партнеров – Маратик самое то! Смокинг, бабочка, вилку с ножом грамотно держит, взгляд честный-пречестный, чистые руки, горячее сердце, такие на улице не валяются. И язык подвешен, сама знаешь – хлебом не корми, дай по... поговорить!

– Рано ушел Женька, – сказала вдруг Ирка. – Ему бы жить да жить...

Юлия закрыла лицо ладонями и заплакала.

– Не реви, – вздохнула Ирка, – не вернешь. О себе подумай лучше!

Сколько раз Юлия слышала эти слова от друзей, знакомых и полужнакомых. «Женьку не вернешь, о себе подумай!» «Крепитесь (или «мужайтесь!»), Юлия Павловна, Евгения Антоновича не вернешь, а вам жить!» Женьку не вернешь, а ей жить! Разве ей нужна жизнь без Женьки?

– Конечно, – продолжала Ирка, – с его-то сердцем... Такого ритма и здоровый не выдержал бы.

Юлии почудился упрек в словах Ирки. Она постоянно чувствовала свою вину – не уберегла! Не уберегла Женьку! Он мотался по всему свету, был одновременно во многих местах, звонил каждый день и кричал с другого конца земного шара:

– Юльця, привет! Как ты? Я тебя люблю!

– Женечка! – кричала она в ответ. – Я соскучилась! Когда ты вернешься?

Женька называл ее Юльця, или пани Юльця, ему это страшно нравилось. Нежно и смешно. Так называл ее партнер Женьки из Кракова, Януш Корчиньский – они заехали к нему на пару дней по пути в Вену. Он восхищенно целовал ей руки и называл пани Юльця. «Это такое здробненное имье от Юлия», – объяснил он. Юлия взглянула вопросительно. «Уменьшительное, – поспешил Женька, улыбаясь во весь рот. – Ласкательное!»

Юльця, Иренця, Гельця... как колокольчик!

Он был всегда, он был везде, он был вечен. Мир без Женьки не мыслился. Он просто не мог существовать без Женьки. И вдруг Женьки не стало. Некая сила, слепая и равнодушная, выдернула его из жизни.

– Не может быть! – повторяла растерянная и испуганная Юлия по дороге в больницу, откуда ей позвонили в шесть утра. Так не бывает! Как же так? Он же был на работе! Позвонил около одиннадцати, сказал, что еще посидит, и чтобы она не ждала, ложилась. А в шесть утра ее разбудил телефонный звонок...

«Юльця, не жди меня!» – сказал Женька, и фраза эта крутилась в ее памяти, как заезженная пластинка, и уже придавался ей мистический сакральный потусторонний смысл, и мысль о том, что *он... попрощался, он знал, он чувствовал...*

«Он чувствовал, что уходит!» Мысль эта сводила ее с ума, крутясь в сознании денно и ночью. Его слова были знаком! И если бы она поняла, побежала к нему, она бы помешала...

Кто угодно, только не Женька, в котором было жизненной силы на десятерых. Как же так? Ей бы заставить его сходить к врачу, закатить скандал, «в ногах валяться», как говорит Лиза Игнатъевна.

– Не бойся, старушка! Еще постриптизим! – обрывал он ее попытки затащить его к известному кардиологу. А однажды сказал: – Юля, давай не будем портить наши отношения! – причем таким тоном, что Юлия опешила. А он взял ее руки и поцеловал одну, потом другую. И сказал дурашливо, как обычно: – Я тебя все равно люблю! Несмотря ни на что! Скажи, что больше не будешь! Не волнуйся, старушка, у меня есть волшебные таблетки от доктора Сороки!

Доктор Сорока был их семейным врачом...

Потом она вспоминала этот разговор и думала: «А что, если он знал?»

А что, если он знал? Чувствовал?

«Нет! – кричал разум. – Это нелепая случайность! Он ничего не знал и ничего не чувствовал!»

Ей было легче думать, что смерть мужа была случайностью, которую невозможно было ни предугадать, ни предотвратить.

– Не уберегла!

Осуждение чудилось ей в глазах людей.

– Женьку не вернуть, – сказала Ирка, – а тебе жить! Посмотри, на кого ты похожа? Если бы он увидел тебя такой, испугался бы!

Глава 4

Гость у порога моего...

*Желтый лист плывет,
У какого берега, цикада,
Вдруг проснешься ты?
Мацую Басё (1644—1694)*

...Звонок все звенел и звенел – нежные негромкие залиvistые трели. Лапик звонко тьяв-кал в прихожей, призывая хозяйку. Юлия тяжело поднялась, упираясь ладонями в стол, и, неверно ступая, пошла открывать. Наступила на подол длинного платья, взмахнула руками, удерживая равновесие. Сбросила туфли на высоких каблуках, сразу став ниже ростом. Не спрашивая, кто, повернула защелку замка и распахнула дверь. Стояла, всматриваясь в человека на пороге. Это был Алекс.

– Добрый вечер! У вас калитка открыта, я был у... друга, тут рядом и... вот! – Он протянул ей букет сиреневых астр, упакованных в кружева из фольги. – С днем рождения!

– Алекс? – Юлия попятилась, сделав неопределенный жест рукой, который он принял за приглашение и перешагнул порог. – Зачем вы... О господи! Откуда вы знаете, что у меня день рождения?

– Я помню, Евгений Антонович как-то сказал, что вы ужинаете в «Английском клубе». Соберутся друзья... Такая традиция у нас, сказал он, отмечать день рождения жены в «Английском клубе». Я запомнил день – десятое сентября. Я помню... – повторил он, и Юлия вспыхнула.

Она стояла в замешательстве, с поникшими плечами, глядя в пол... Ей хотелось завывать от горя. Да, была традиция, был Женька... Она просыпалась утром десятого сентября, а на постели лежали розы – темно-красные, всегда тридцать шесть. Они усыпали всю постель, три дюжины темно-красных роз на длинных крепких стеблях с острыми шипами. Их запах, сладкий и томный, немного удушливый, разливался по комнате. Она сгребала цветы в охапку, зарывалась в них лицом... Непременно колола палец о какой-нибудь особенно острый шип, вскрикивала...

Она помнит радость, какую испытывала, когда холодные и влажные цветы прикасались к ее лицу...

– Женька! – кричала она. – Я тебя поздравляю! У меня сегодня день рождения!

Сегодня с самого утра она выключила телефон, не желая никаких звонков, не желая принимать поздравления, не желая никого видеть...

Она стояла в прихожей, Лапик жался к ее ногам, с любопытством рассматривая гостя. Она протянула руку и взяла астры...

– Вы простудитесь, – пробормотал Алекс.

У Юлии мелькнула мысль вытолкать его прочь и захлопнуть дверь, но тогда она останется совсем одна... в свой день рождения... Миг был упущен. Не ответив, она повернулась и побрела в гостиную. Он осторожно закрыл дверь и пошел следом. Зачем-то подобрал по дороге брошенные ею туфли.

– У вас были гости? – вырвалось у него при виде накрытого стола. Взгляд его задержался на осколках стекла на полу...

Юлия пожалала плечами и не ответила. Она чувствовала, что разрыдается, если попытается что-то сказать или объяснить. Она с шумом втянула в себя воздух и задержала его, думая: «Только не разреветься!» Открыла сервант, достала высокую узкую хрустальную вазу, сняла

фольгу с букета, опустила цветы в вазу. Замерла, тупо уставившись на них. Что-то еще нужно сделать... Что?

– Воды, – подсказал Алекс.

Она кивнула. Взяла со стола бутылку «Перье» и опрокинула над вазой. Вода, булькая, толчками устремилась из пузатой бутылки вниз. Юлия внимательно смотрела, как ее становится в бутылке все меньше и меньше.

– Спасибо большое, – наконец смогла выговорить она. – Прекрасные цветы, осенние. Как раз то, что нужно. Мне давно уже не дарили цветов. Садитесь, Алекс, на любое место и будьте как дома.

Она с удивлением прислушивалась к своим неприятно-покровительственным интонациям. В горле было сухо, и она поминутно сглатывала.

Мужчина чувствовал себя неловко. Он стоял у стола, все еще держа в руках ее туфли и не зная, что с ними делать. Наконец с негромким стуком поставил их на стол. Теперь они оба смотрели на изящные узконосые туфли на белой скатерти среди посуды и молчали.

– Я пойду, – вдруг сказал он.

Юлия решила взглянуть ему в глаза, опасаясь увидеть там жалость. Только не быть жалкой, думала, только не это. Он помнит ее другой... Она задрала подбородок, попыталась улыбнуться.

– Оставайтесь, пожалуйста! Вы мой гость... Хотите вина?

– В день рождения пьют шампанское, – сказал Алекс. – У меня в машине...

– Я знаю, – ответила Юлия. – У меня тоже есть, я просто не смогла открыть. А вино уже было открыто.

– Сейчас откроем!

Ей показалось, в его словах прозвучало облегчение.

Шампанское с шипением ринулось из бокалов, налитых до краев, на скатерть. Юлия вскрикнула и засмеялась. Схватила бокал и залпом выпила. Шампанское тут же ударило ей в голову, и комната, покачиваясь, стала медленно вращаться вокруг своей оси. Юлия опустилась на стул, прикрыла глаза рукой. Голова была пустой и звонкой. Плакать уже не хотелось. «Недаром... пьяницы... пьют...» – промелькнуло начало какой-то мудрой мысли, которая тут же исчезла, растворилась.

– Алекс! – вдруг сказала она. – Алекс, потанцуйте со мной!

...Он вел ее осторожно, словно боялся причинить боль. Ей показалось, что он даже перестал дышать. Туфли так и остались стоять на столе. Она чувствовала под ногами мягкий ворс ковра. Нежная серебристая мелодия... любимый Женькин вальс... из какого-то старого фильма. Больше года с того самого дня... она не включала проигрыватель. И компакт так и лежал в нем...

Она вдруг обхватила Алекса обеими руками, прижалась лицом к его груди и заплакала, не стесняясь слез, бессвязно думая о том, что она все-таки плачет, хотя дала себе слово не плакать... и что плакать в присутствии другого человека не так горько, как в одиночку, потому что душа требует участия и надеется на утешение.

Алекс замер. Она почувствовала, как он напрягся. Его руки лежали на ее плечах, и Юлии казалось, что от них исходит жар, прожигающий ее насквозь.

...Юлия проснулась внезапно, словно ее толкнули. Было темно, тихо, неярко горел ночник на тумбочке около ее кровати – симпатичный, улыбающийся до ушей фарфоровый лягушонок под темно-красным мухомором, – который она никогда не включала, а держала только для красоты. Она лежала неподвижно, охваченная странным чувством нереальности. Что-то было не так... Она была одета! Она лежала в своем длинном вечернем платье, укрытая желтым шелковым покрывалом... Колье! Рука метнулась к шее... колье на месте! Как странно...

Она приблизила руку к лицу – искорками вспыхнули бриллианты... отвела руку в сторону, рассматривая кольца, и вдруг едва не вскрикнула – мутная волна ужаса пронзила ее. Рядом с ней на постели лежал человек! На долю секунды ей показалось, что это Женька. Затаив дыхание, она повернула голову. Человек спал, она слышала его дыхание. Чужой человек. Юлия испытала облегчение и разочарование одновременно. Человек лежал на спине, одетый, и она, осторожно приподнявшись на локте, стала с жадным любопытством, приоткрыв рот от напряжения, рассматривать его лицо. Она вспомнила, как он пришел с цветами в обертке из фольги, и улыбнулась. Она испытывала удивительное и легкое чувство радости от того, что не спит и может рассматривать спящего рядом человека, беспомощного, не подозревающего, что на него смотрят. Ей стало смешно, и она прикрыла рот рукой, чтобы не засмеяться вслух. Она была пьяна...

У Алекса были темные волосы, широкий выпуклый лоб, длинные, как у женщины, ресницы. Впалые щеки. На шее билась жилка. Ей было неловко подсматривать, но... не будить же, успокоила она себя. Крупные губы, подбородок с ямочкой... Расстегнутый ворот рубахи, одной пуговички нет. Грудь его мерно вздымалась. Спящий, он был беспардонно молод, потрясающе молод, неприлично молод! Юлия вздохнула. Его большие руки лежали поверх одеяла... заживший порез около ногтя на правом указательном пальце, часы на запястье, почему-то правом.

Ноздри ее раздувались, втягивая его запах. Запах волос, кожи, тела, одежды... Если бы ее спросили, что она чувствует сейчас, она сказала бы – ничего, и пожалала плечами. И слукавила бы. К ее изумлению, ее неудержимо тянуло к этому парню. Как тогда, много лет назад... Она смотрела на его руки и представляла, как он...

Остановись, бесстыдница! Но она ничего не могла с собой поделать. Ее голова лежала на его груди, мысленно, разумеется, и щекой она чувствовала биение его сердца... а колено упиралось в его бедро... тоже мысленно. Губы ее пересохли, она облизнула их языком... Дыхание перехватило, лицо горело.

«Да что же это такое?» – подумала она почти в отчаянии, не веря и удивляясь себе. Осторожно протянула руку ладонью вниз, словно собираясь прикоснуться к его лицу, но не решилась в последний момент. Она держала ладонь над его лицом, чувствуя его теплое дыхание. Против ее воли ладонь опустилась ниже, почти коснулась его губ, и словно искра проскочила, рассыпавшись внутри звенящим жаром. Губы его шевельнулись – он легко поцеловал ее ладонь, не открывая глаз... еще и еще... Потом вдруг повернулся лицом к ней... Теперь они лежали, глядя в глаза друг другу...

Она не запомнила, кто сделал первое движение... неважно, неважно... Она почувствовала его дыхание и губы на своих губах... Он целовал ее мелкими частыми поцелуями, словно боялся испугать, словно приручал и приучал к себе... А потом прижался к ее рту, и она вскрикнула, почувствовав соленый вкус крови, и со слабым стоном обхватила руками его плечи, чувствуя его нетерпение.

«Неужели это я? – билась мысль. – Неужели так бывает? Зачем? Нельзя...»

...Изгибаясь, она помогала ему справиться с застежкой платья...

– Юлечка! – шептал он, раскаленными руками дергая молнию, которая не хотела растягиваться. – Юлечка, девочка моя... Юлечка...

...Они, стоя на коленях в постели, поспешно раздевались... не сводя взгляда друг с друга... тени металась по стенам спальни... И когда, наконец, одежда их в беспорядке полетела на пол, он обнял ее так сильно, что у Юлии перехватило дыхание... Не отрываясь от ее губ, он потянул ее к себе...

Глава 5

Жорик и монах

Жорик, брат Ирки, был жилистым озабоченным человеком с неприятной привычкой хрустеть пальцами. Обвисшие беспородные джинсы свисали с его тощего зада, длинная кадыкастая шея торчала из ворота растянутой черной футболки с пейзажем Нью-Йорка, растрепанные патлы торчали во все стороны.

Жорика еще с детства отличал озабоченно-пытливый взгляд карих, слегка навывкате, глаз, и при этом – выражение полного отсутствия мысли на физиономии. Казалось, он прислушивается к собственным ощущениям или решает в уме проблему Бермудского треугольника, или вечного двигателя, или еще чего-нибудь столь же универсально-фантастического. В его черепной коробке бешено вертелись, сцепляясь зубцами, большие и малые колесики, деловито раскачивались крошечные маятнички, летели искры от напряжения, и рождалась очередная гениальная догадка или открытие века.

– Эволюция! – восклицал Жорик, начитавшись книжек одного американского философа русского происхождения. – Где она, ваша эволюция? Не существует понятия эволюции в принципе! Эволюция предполагает закрепление новых качеств в организме, а где они, эти новые качества, если человек в принципе не меняется? Каким вылупился на свет божий, такой и есть. Третья рука не отросла, хотя не помешала бы, знание не передается потомству, все дураками рождаются, а потом всю жизнь учатся и дураками помирают. Количество хромосом не меняется. Солнечные удары случаются и ожоги, хотя за тысячи лет вашей эволюции уже можно бы и попривыкнуть к солнечной радиации. Кости ломит на перемену погоды опять-таки. Вот когда трансплантаты из пластмассы пойдут в ход, вот тогда и начнется! Эво-лю-ция!

Жорик любил порассуждать за кружкой пива под грязным зонтиком уличного пивного бара с любым, кто подворачивался под руку в тот момент. Это были лучшие минуты его жизни. Ради чего человек рождается на свет? Ради работы? Любви? Куска хлеба насущного? Нет, считал Жорик. Голова дана, мысли приходят – вот и думай, шевели извилиной, разгадывай смысл бытия и делай открытия. Обменивайся мыслями и информацией со стоящими людьми. Пиво в данном процессе было не самоценно, а являлось сопутствующим элементом.

Жорик два года проработал шофером-дальнобойщиком в Америке, под чужим именем, с чужими документами, так как пребывал в стране нелегально. Компания по перевозке грузов была с Брайтон-Бич, а Брайтон-Бич – это государство в государстве, и законы ему не писаны. Жорик исколесил все штаты вдоль и поперек, сегодня – в Нью-Йорке, завтра – в Орегоне или Флориде, перевозя товар в гигантских серебристых фургонах. Выучил язык, своеобразный смачный русско-американский брайтоновский диалект, нахватался цеховых баек, легенд и забобонов американских дальнобойщиков. Усвоил кодекс чести этих механических ковбоев, напоминающий клятву юного пионера и моральный кодекс строителя коммунизма вместе взятых, идею которого можно было выразить тезисом: сам погибай, а товарища выручай.

– Эх, хорошо было! – вздыхает ностальгически Жорик. – Дороги, конечно, писец полный! И на сотни миль – ни души. Едешь по карте. А вокруг – пустыня и горы. И вдруг откуда ни возьмись полицейский патруль! Сирена верещит – аж в глазах темно! Сразу руки на руль и замри. Чуть шевельнешься – он за пистолет! Или по яйцам запросто врежет. Там же все психи. Уже с пеленок. Сначала стреляют, потом разговаривают. Ковбойский менталитет называется. Деньги-карьера, карьера-деньги!

А бабы! Визгливые, крикливые, ни хера не умеют, ни приготовить, ни постирать, а сразу в койку! И породы никакой – тощие, все, как одна, на диете, нечесанные, половина в драных рейтузах и майках до колен, половина в мини, зад сверкает, а ты делай вид, что тебе по бара-

бану. И упаси бог косяк кинуть не в жилу, сразу визг – приставање на сексуальной почве! Да кому ты на хрен нужна, доходяга?

Иногда по дороге пассажира возьмешь и рад до смерти, что не один. А то хоть волком вой. Мы из-за экономии в одиночку ездили. Тогда платят больше, но крыша едет. Как в одиночной камере.

Там это... – Жорик улыбается задумчиво, понижает голос и косит взглядом, – в Юте, городок такой небольшой, занюханный, вроде хутора, но все прилично, гостиничка, туалетная бумага в сортире, пиво – двадцать сортов. И официантка – Нэнси, рыжая, веселая, совсем нашенская, в доску. Ее все ребята знали. Даже крик делали, чтобы отметить. Смеется, юбкой метет, а чему радуется? Без мужика, двое детей. Как посмотришь – душа замирает. Звала остаться, между прочим. А что, думаю, вот возьму и останусь! Авторемонтную мастерскую открою, покрасить-побелить, крышу починить, чего кому надо – я все умею. А с другой стороны, от скуки помереть можно. Ностальгия такая, хоть вешайся. Нэнси была другая, совсем как наша баба. И все при ней, но не судьба! Хоть и давала всем подряд. А я так считаю – кому много дано, с того много и спрашивается!

В свое время Жорик окончил радиомеханический техникум, увлекался конструированием радиоаппаратуры, подбирал детали, где придется, и складывал впрок. Комната его со временем стала напоминать сарай или склад. Он придумывал какую-нибудь стерео-цвето-квадрофонию, сидел днем и ночью, забывая поесть и умыться, конструировал приемник, но очень скоро терял интерес и бросал, ничего никогда не доводя до конца. При этом, как ни странно, приемники работали, хотя подойти к конструкции было страшно из-за торчавших во все стороны разноцветных и оголенных проводов и всяких ошметков. Лампочки странных цветов – лилового, синего, красного, темно-оранжевого – мигали в такт ревушей музыке.

– Под твою цветомузыку только вешаться! – говорила Ирка, с удовольствием наступая на валяющиеся под ногами радиодетали, которые с хрустом ломались.

– Тебя звали? – окрысывался Жорик, бросаясь ей под ноги. – Ну, и катись подальше!

Женился Жорик, или, вернее, женила его на себе ушлая разведенка-соседка Анжелика с готовым ребенком, девочкой, женщина не злая, но сильно безалаберная. Любимой ее присказкой было: «Не бери в голову!»

Кажется, ему повезло с женой. В их квартире всегда был страшный кавардак, бегали собаки, кошки и хомяки. Денег никогда не хватало. Жорик неплохо зарабатывал, и при другом стиле жизни им бы хватало. Но деньги девались неизвестно куда уже через три дня после зарплаты. Питалась семья в основном картошкой. Детей как-то незаметно стало двое – родилась еще одна девочка, потом долгожданный сын.

– Сын, наследник! – рассказывал Жорик всем встречным-поперечным, лопааясь от гордости. – Олежкой назвали, в честь крестного, моего дружбана!

– Как вы мне все осточертели! – весело кричала Анжелика детям, расхаживая по дому в задрипанном халате, отпихивая ногами зверье, вечно беременная, нечесаная, но неизменно в самом приятном расположении духа. Книжки, всякие истории про любовь, которые она читала запоем, валялись на кухонном столе, на диване, под кроватью. Перекошенные, с рассыпавшимися страницами, залитые супом и чаем.

– Пошли вон! – раздавался в доме ее зычный голос. – Лето на дворе!

Ирка терпеть не могла Анжелику, говорила, что от нее воняет кислыми щами. Раньше Жорик одалживал деньги у Ирки, но никогда не отдавал. Когда Ирка переставала давать, он просил у Марика – тот морщился, но не отказывал. Виделись родственники редко.

Жорик привез из Америки подержанный автомобиль «Бьюик «Le Sabre». Не с собой, разумеется, а в обозе, морем. А с собой он привез лишь то, с чем его пустили в самолет, – одежду, всякую ерунду детям, в том числе куклу Барби и большое колесо консервированной пищи, упакованной в полиэтилен. Еще золотую цепочку с дешевым бриллиантом Анже-

лике. «Бьюик» был большой, роскошный, темно-синий, с мягкими кожаными диванными сиденьями, с аккуратным узким задком в форме бочонка в разрезе, по которому и узнается эта машина, такой совершенной формы, что, глядя на него, плакать хотелось.

– Самая надежная штатовская машина, – рассказывал Жорик, с любовью глядя на «Бьюик». – «Олд мэньс кар»², для солидных людей, кто понимает. Смотри, какой задок! И климат-контроль! Для каждого пассажира свой, – объяснял он всем желающим. – Я, например, хочу похолоднее, жена – потеплее. Пожалуйста, не вопрос!

Он нажимал на кнопки, щелкал замками дверей, придвигал и отодвигал сиденья, нежно дышал на оконные стекла и протирал мягкой тряпочкой.

– Скорость поддерживается компьютером. Бензин, правда, жрет, зараза. Восемь цилиндров! Зато с места рвет как ракета. Жмешь чуть не на двести, и ни в одном глазу!

Если бы можно было, Жорик переселился бы в «Бьюик» сам или поставил его у себя в спальне, чтобы тот был все время на глазах. Бывает же такая радость в жизни человека! Не часто, но бывает. Правда, тут многое зависит от самого человека. Не все умеют радоваться. Таким что ни дай, все или мало, или не того хотелось. А чего хотелось, и сами не знают!

Звали его Георгием, как читатель уже понял, – Жорик для своих, по кличке Зажорик. Так мы и будем называть его в дальнейшем. Зажорик или Жорик. Получил он кличку благодаря своей привычке орать: «Не давай зажирать!», когда вместе с одноклассником Олегом Монаховым они мчались вдоль реки на моторной лодке мимо устроившихся в прибрежном ивняке рыболовов. Еще в блаженное школьное время. В сугубо мужской компании был он называем также Зажопиком... извините за выражение. Просто так, без всяких намеков. По созвучию с «Зажориком».

Одноклассник Олег Монахов, тот самый друбан и крестный папаша маленького Олежки, был женат трижды, всякий раз на красивейших женщинах, включая приму местного драматического театра, закончил факультет психологии столичного университета и физмат местного политеха, остался на кафедре, защитился, начал писать докторскую. Потом бросил, что не мешало ему представляться доктором физико-математических наук. И все без напряжения, играючи. С женами разводился тоже легко, оставаясь с ними в самых дружеских отношениях. Связи не терял, забегал на огонек, даже оставался ночевать иногда, под настроение. Увлекался психологией, экстрасенсорикой, эзотерикой и оккультизмом. Он не боялся жить, легко меняя среду обитания. В один прекрасный момент бросил все к чертовой матери и подался в народ. Потом вернулся, потом снова все бросил. Ему было скучно на одном месте, его гнали в дорогу любопытство, нетерпение и стремление заглянуть за горизонт. Анжелика, жена Зажорика, говорила, что у него шило в одном месте.

Он бродил по Сибири с дикой бригадой шишкобоев, находя общий язык с беглыми преступниками, ворами и пьяницами, с самым последним человеческим отребьем. Собирал целебные корни, грибы-галлюциногены, от которых плющило похлеще, чем от любых наркотиков, ягоды и травы. Записывал рецепты народных медицинских и шаманских снадобий, а также заговоров и приговоров. Жил в палатке или под развесистой елкой, купался в проруби. Однажды зимовал в землянке неизвестно где, отбившись от стаи и потеряв тропу. Но выжил, даже зубов не потерял при кровоточащих деснах. Был при этом невероятно толст, дружелюбен, и всякому новому человеку казалось, что они знакомы не одну сотню лет. Сердца стремились ему навстречу, будь то замшелое сердце местного колдуна, открывавшего ему свои древние секреты, или ненавистного кулака-единоличника в каком-нибудь богом забытом месте, в глухой тайге, куда так и не дошли ни советская власть, ни дикий капитализм, который, придерживая собак, пускал его на ночь, кормил и поил, как брата. Он, который и маме родной пожалел

² Old man's car (англ.) дословно: машина для пожилого человека, т. е. для солидного и понимающего представителя среднего класса.

бы куса хлеба! Таким необычным человеком был Олег Монахов по прозвищу Монах, друг Зажорика. Сам же он совершенно искренне считал себя волхвом.

– Живой! А я думал, тебя уже схарчили аборигены!

Такими радостными словами встречал друга Зажорик, когда Олег вваливался к нему как-нибудь поутру или на ночь глядя, грязный, обросший пестрой патлатой бородой, с неподъемным рюкзаком за плечами после двух-трехлетнего отсутствия. Друзья обнимались, замирали на долгую минуту, после чего Олег отправлялся в ванную, долго плескался в горячей воде, выливая на себя полбутылки шампуня, подстригал и расчесывал бороду, стриг ногти и выходил оттуда уже новым человеком. Они сидели чуть не всю ночь, пили водку, закусывали хлебом, салом и яичницей и общались.

Монах в очередной раз вернулся домой и остановился у Зажорика, так как свою квартиру он оставил последней жене. Он было сунулся к ней, и она бы с радостью его приняла, но, пока он путешествовал, она вышла замуж. Муж смотрел волком и прошипел ей на ухо, выгастив в коридор, – я или он! Она даже заплакала, бедняжка. Но Олег, мигом просекший обстановку, сказал, что заскочил на минутку, по дороге, и направляется сейчас к другу детства Зажорику. Чмокнул весело бывшую жену в щечку и сбежал вниз по лестнице. А теперешний ее мужчина перестал с ней разговаривать, чтобы дать понять, насколько она не права. И в голове у нее сразу зароились всякие мысли, вроде того, что хорошо бы ему испариться без следа, тогда, может, Олег вернется, пусть даже ненадолго.

Они дружили еще со школьных времен, как было уже сказано – дерганый, кипящий энергией и идеями, расхристаный Георгий-Зажорик и благодушный толстый и солидный Олег Монахов. За общие шалости попадало, как правило, одному Зажорику. Планида у них была такая по жизни. Олега даже не дразнили жиртрестом или пончиком, язык не поворачивался, так естественен он был, неся свой вес. Уже тогда в нем проклеывался математический гений, а также лидер. Он всегда был другой. И девочки за ним бегали, и учителя его любили, и конфликтные подростковые ситуации он улаживал, когда стенка шла на стенку. И не били его никогда, и драки его миновали.

Олег, несмотря на легкость на подъем, всегда был толст. Даже тайга не заставила его похудеть. Ходит он легко, раскачиваясь для равновесия, в длинных рубашках навыпуск, чтобы замаскировать необъятный живот, и матерчатых китайских тапочках для удобства. Часто носит бороду и длинные волосы, отчего напоминает батюшку, и тогда бабульки крестятся ему вслед. Он солидно кивает и благословляет их мановением толстой длани. Говорит он неторопливо, басом. Все делает со вкусом. Со вкусом ест, говорит, слушает, думает. Со вкусом лежит на диване, уставившись в потолок. Он окутан такой мощной аурой покоя и надежности, что любому человеку становится легче от одного его вида. Любому человеку хочется доверчиво вложить свою руку в его толстую горячую ладонь и, ни о чем не думая, закрыв глаза, просто шагать рядом. Когда он практиковал как экстрасенс, от желающих попасть на сеанс отбоя не было. Он обладал известной силой внушения, мог погрузить в транс, вселить уверенность в завтрашнем дне, размять стянутые остеохондрозом члены, дернуть и свернуть в сторону хрустящую шею. Потом ему это надоело. Ему все надоело в конце концов. И тогда он снимался с места.

– Ищу работу, – сообщил Олег Зажорику, выйдя из ванной. – Поспокойнее. Радикулит стал прихватывать, возраст, наверное. Куда-нибудь в бизнес. На пару лет, пока осмотрюсь. Согласен генеральным директором. Можно еще заняться травой, у меня рецептов немерено. Пока под крышей, а потом... будет видно! Дело это стоящее.

– Пошли к Юльке Литвиной, – предложил Зажорик, подумав. – У нее муж помер, полтора года уже, классный мужик был, сердце схватило. Там теперь Иркин Марик заправляет, тюфяк и подкаблучник. А торговый дом был на все сто. Юлька женщина добрая, я ее знаю. И красивая.

– Ирка не поможет?

– Даже не думай. Ирка стерва. Если сможет, всегда нагадит, ты ж ее знаешь. И Анжелку мою не терпит. Мы пойдем сами – тихо и без пыли, по-домашнему, даже звонить не будем. Только нужно составить список жалоб и предложений, так сказать. Бизнес-план называется. У нас в Штатах без бизнес-плана шагу не ступишь. И экономическое обоснование! Америкосы деньги считают будь здоров, причем не по-дурному, как мы – хапнуть и смыться, а на перспективу. Для начала посмотрим в инете про Юлькин бизнес, может, появится какие-нить мыслишки.

И друзья погрузились в глубины Интернета...

...Мужчина сидел на скамейке в боковой аллее центрального парка, сунув руки в карманы куртки. Вечер был беззвездный, холодный, по земле стелился жидкий туман, и накрапывал слабый нерешительный дождик. Ближайший к скамейке фонарь не горел, и рассмотреть сидящего не представлялось никакой возможности. Но рассматривать его было некому, парк был пуст.

В конце аллеи появился человек – двинулся он быстро и бесшумно. Спустя пару минут он подошел к скамейке, где сидел мужчина. Тот поднялся навстречу, не вынимая рук из карманов. Вновь прибывший молча протянул ему конверт из плотной бумаги. Первый, в свою очередь, положил второму на ладонь маленький предмет.

– Это оригинал? – фраза прозвучала как пароль.

– Как договаривались, – мужчина открыл конверт, там были деньги.

Маленький предмет скользнул в карман вновь прибывшего, он шагнул вперед, одновременно вытаскивая из кармана складной нож. Лезвие щелкнуло, вылетая из ложа, и с силой вонзилось в живот мужчине. Тот закричал, отступая, складываясь пополам, и выпустил из рук конверт с деньгами. Убийца подобрал упавший конверт, сунул в карман. Оглянулся. Попятился, не сводя взгляда с лежащего на земле человека – тот хрипел, изо рта вытекала черная струйка крови. Затем повернулся и быстро пошел прочь, почти побежал, стараясь держаться в тени.

И все было кончено...

Глава 6

Кто бросит камень?

*Печален мир
Даже когда расцветают вишни...
Даже тогда...
Кобаяси Исса (1768—1827)*

Юлия, не торопясь, передернув плечами, новым каким-то движением уронила с себя легкий шелковый халат, мягко упавший к ногам, и с отстраненным любопытством, склонив голову, стала рассматривать женщину в зеркале. Это была незнакомая женщина. Чужая новая незнакомая женщина. Подняв волосы наверх обеими руками, она повернулась боком, потом изогнулась, пытаясь увидеть себя со спины.

Синяки под глазами, бледное лицо, припухшие губы... «Тебе не стыдно?» – спросила она у женщины. Та в ответ лишь пожалала плечами и улыбнулась. Даже как бы ухмыльнулась, порочно и томно, и потянулась всем телом, кося глазом на свое отражение.

Ничего, очень даже ничего... тоща, правда, ребра выпирают, как у модельки, и ноги тонковаты. Она, как зачарованная, уставилась в глаза незнакомки – сияющие, карие, широко открытые...

Она все стояла и стояла перед зеркалом, не в силах оторваться. Смотрела на свое отражение, словно видела себя впервые, и думала, что... Нет, ни о чем она не думала. Голова была удивительно легкой и пустой, как воздушный шарик, без мыслей и немного сонной. А тело, в отличие от головы, было наполнено ощущениями... Она прикоснулась пальцем к острому твердому соску и засмеялась... Маленькие быстрые электрические разряды побежали по всему телу, как иголки... Жаркой волной окатило от макушки до кончиков пальцев...

«Я сошла с ума!» – подумала Юлия.

Сколько раз тысячи других женщин повторяли те же самые слова в схожих обстоятельствах, пытаясь оправдать себя перед самими собой: «Я сошла с ума!» Попытка воззвать к здравому смыслу, понятиям о приличиях... Довольно лицемерная попытка, надо заметить.

Она открыла кран, и в ванну рванулась струя горячей воды, над которой сразу же поднялся пар, опрокинула в пар флакон с имбирным шампунем и стояла, зачарованно наблюдая, как растет рыхлый белый пенный шар над краями ванны.

Юлия лежала в горячей воде в облаке пены, закрыв глаза, отдаваясь полузабытому чувству физического комфорта.

– Женька! – позвала она вдруг. – Ты здесь? Конечно, здесь! Где же тебе еще быть? Женечка, не сердись, прости меня, родной, прости! Я негодяйка, подлая, гадкая, я тебе изменила... Женечка, родной мой... я люблю тебя! Ты же знаешь, как я люблю тебя!

Она всхлипнула, слезы закапали в белую пену... Она плакала и гладила себя по новому скользкому рыбьему телу, которое было не ее, а чьим-то чужим и незнакомым и, казалось, звенело, чутко и радостно отзываясь на легкие прикосновения рук. Она вытянулась в струну, запрокинула голову назад, задержала дыхание и ушла под густую холодную пену, и еще глубже, под горячую воду, и оставалась там, сколько смогла выдержать. А когда ей показалось, что сердце готово выскочить из груди, а грудь разорваться, резко вынырнула. Вздохнула глубоко, с наслаждением и новым смыслом. Стерла с лица слезы и пену и сказала себе, удивляясь: «Я живая! Я, оказывается, живая!»

Словно в ответ на это замечательное открытие тело ее послало мощный сигнал о голоде, в желудке образовалась пустота, а голова закружилась. Она подумала, что они могли бы позавтракать вместе... Алекс... Алекс ушел... еще не было восьми. Сказал, что позвонит. Юлия

рассмеялась – молодой человек, с которым она провела ночь, ушел на рассвете, пообещав позвонить. Новый опыт, новый жизненный опыт... Новая легкая печаль оттого, что это уже произошло, случилось и теперь уходит все дальше и дальше в прошлое, и время не остановилось...

Глубоко под пластами памяти билось смутное воспоминание о каких-то, студенческих еще, временах, когда мальчик провожал ее до подъезда дома и спрашивал, прощаясь: я позвоню? Воспоминание из далекой юности, чуть ли не из детства... Юлия улыбнулась, чувствуя себя юной девочкой, полная ожидания радостных перемен...

– Нет, – решила она, – правильно, что он ушел!

Она представила себе, как они сидят за столом друг напротив друга... он такой... молодой, а она... уставшая, бледная... прячущая глаза от стыда... С беспощадной ясностью она осознала, что он молод, оскорбительно молод, а она – нет... Мысли ее приняли совсем другое направление.

«Ничего не нужно! – думала она. – Ничего! Когда он позвонит, скажу, что... все! Ничего не было, ни тогда, ни сейчас!»

Не было... Как же не было, если было. Было! Женька задерживался в командировке, и они столкнулись на улице, и он поздоровался и что-то сказал... запинаясь, мучительно покраснев, что позабавило ее – она, оказывается, может нравиться такому... молокососу! И пригласил ее на кофе в «Белую сову», а она подумала: а есть ли у него деньги? Цены там о-го-го...

Она помнит, как он словно невзначай коснулся ее руки...

И на другой день, и на третий... пока она не опомнилась. Старая дура!

Хватит! Ничего не было! Было лишь чувство вины, от которого она корчилась, не понимая себя... Потом она с облегчением узнала, что он уволился из «Торга». И сейчас ни взглядом, ни словом он не напомнил ей...

Вдруг тоскливое чувство страха, что он не позвонит, что она не нужна ему, немолодая, не очень красивая, пронзило ее со страшной силой. И тут же исчезло, растаяло, стоило ей вспомнить, как он гладил ее по лицу, повторяя: «Юлечка, Юлечка», как он... Она вспыхнула, вспомнив, как он бережно взял ее... как застонал от нежности...

– Он позвонит! Он не может не позвонить!

Юлия сидела за столом в махровом купальном халате, белом с синими ирисами – подарок Женьки, – с влажными волосами, рассыпанными по плечам, смотрела в сад. Перед ней остывал кофе в чашке. День был сырой и ветреный, резко качались ветки яблонь за окном, и одна из них время от времени стучала в окно. Юлия всякий раз вздрагивала от сухого, скребущего по стеклу звука.

«Ты сошла с ума! – в который раз повторила она себе. – Зачем тебе это?»

Впервые за почти полтора года со смерти мужа она испытывала не тоску, а покой, умиротворение и тихую, умиленную радость. Казалось, какие-то жизненные токи неуверенно торили себе дорогу глубоко внутри, там же набухли почки, готовые в любой момент лопнуть... Не хотелось двигаться, а хотелось долго-долго сидеть, прислушиваясь к чувству удивительной радостной звонкой пустоты, заполнившей тело. Она по-новому ощущала свои руки... колени... живот... вспоминала, как... Саша поцеловал ее... как легко он поднял ее на руки, а она обняла его за шею... Она вспыхнула от стыда и желания... прижала ладони к лицу... Потом сбросила шлепанцы, вытянула ноги, как балерина, и с любопытством принялась рассматривать их. Это была не она, а другая женщина. Другая женщина, у которой был молодой любовник, а не она, Юлия. Она смотрела, не узнавая, на свои длинные тонкие бледные ноги...

– Юльця, у тебя кривые ноги! – говорил Женька.

– Неправда! – кричала она. – Ровные!

– Кривые, но я тебя все равно люблю!

Она почувствовала слезы на глазах.

– Женька, если бы ты только знал, как мне тебя не хватает! Прости меня, Женечка! Прости мне! Мою глупость, мое легкомыслие...

...Красивые руки, все еще красивые, несмотря на ее... Хотя какие наши годы, как говорит Ирка. Юлия тихонько рассмеялась, вспомнив, как Ирка еще в институте повторяла, что для своих двадцати она прекрасно сохранилась.

– Аферистка, – называл ее Женька.

– Авантюристка, – поправляла его Юлия.

Нахальная и бесцеремонная, всегда в прекрасном расположении духа, не отягощенная понятиями о морали, Ирка могла запросто унести библиотечную книгу, засунув ее под блузку, или стянуть стакан сока в студенческой столовке. «Пусть не зевают», – хладнокровно говорила она Юлии, обмирающей от ужаса. Ей ничего не стоило расколоть на конспект отличницу-единицу, которая никогда ни с кем не делилась, или пригласить на вечер в «женский монастырь», как они называли свой иняз, курсантов из местного летного училища. Она постоянно рассказывала Юлии такие подробности своих многочисленных романов, от которых у той начинала кружиться голова. И даже сейчас, спустя много лет, она не знала, было ли правдой то, о чем рассказывала Ирка.

«Интересно, что скажет Ирка?» – подумала Юлия.

Ирка пыталась знакомить ее с друзьями Марика.

– Не будь душой, Юлька, – убеждала она, – лучшие годы уходят! Последние солнечные деньки! Подумай о себе, кончай реветь! Жизнь – это подарок, и не надо от него отказываться. На твоём месте Женька давно уже был бы с бабой. Все там будем. У тебя есть деньги, а деньги – это убойная сила. Хочешь, поехали в Италию или на Багамы... Посмотри, на кого ты похожа! Да ты должна выглядеть так, чтобы все кругом говорили: это жена Евгения Антоновича, а не убитая горем несчастная вдова. Тебя не должны жалеть, а ты прямо напрашиваешься, сплошные сопли. Когда ты в последний раз смотрела на себя в зеркало? Красила губы? У тебя взгляд побитой собаки. Пошли купим тебе новую шмотку!

Юлия привыкла к Ирке, как наркоман привыкает к зелью. Разумом вроде понимает, что отравы и не надо бы, а все равно тянется. Ей не хватало Иркиной бесшабашности, грубоватого юмора, ее словечек, городских сплетен, которыми она со вкусом делилась. А потом, друзей детства ведь не выбирают, правда?

– Откуда ты знаешь? – удивлялась Юлия, услышав очередную сплетню о романе их общего знакомого, отца семейства, со старшеклассницей, подружкой дочери.

– Все знают! – говорила Ирка.

– Я, например, не знаю!

– Потому что не интересуешься, тебе Женька весь мир застил.

«Что скажет Ирка?». Мысль о том, что от Ирки можно что-нибудь скрыть, даже не пришла Юлии в голову. Она сидела, глубоко задумавшись, улыбаясь своим мыслям...

– Павловна! – услышала она вдруг голос Лизы Игнатьевны и вздрогнула от неожиданности. – Сидишь, как засватанная! Может, заболела?

Лиза Игнатьевна смотрела на нее озабоченно и тяжело дышала. Плащ ее был расстегнут, голубая косынка с люрексом упала на плечи, клетчатая хозяйственная сумка стояла у ног на полу...

Лиза Игнатьевна была экономкой или, попросту, домработницей. Она знала Юлию с детства, знала ее родителей, так как много лет жила в соседнем доме. Лет восемь назад Юлия встретила ее на улице, и Лиза Игнатьевна рассказала, что живут они с сыном теперь в Посадовке, у ее старой тетки, а квартиру сдают, чтобы было чем расплатиться за разбитую машину. Сын был нетрезв и врезался в сарай на чужой машине, а теперь с горя и вовсе запил... А Надька, законная его, забрала внука Павлика и переехала к матери. А деньги, хочешь не хочешь, отдавать надо, а где взять? Пенсия у нее маленькая... Лиза Игнатьевна плакала и сморкалась, не

стесняясь прохожих. И тогда Юлия предложила ей поработать у них, и Лиза Игнатъевна тотчас согласилась. А потом, когда они построили дом за городом, она переехала вместе с ними. В их доме у нее была своя комната. Была Лиза Игнатъевна крупной, тяжелой, охающей женщиной, но с работой справлялась. Весной нанимала рабочих на садово-огородные работы, приводила племянницу на генеральную уборку, стирку и мытье окон.

Последнее время она все чаще ночевала у тетки, которая стала совсем плоха.

– Ветер страшный, прямо с ног сбивает! – сообщила Лиза Игнатъевна, стаскивая тесный плащ. – И похолодало, прямо осень. А ведь только сентябрь... еще и бабье лето впереди. Я тебе молочка парного принесла, будешь? Только из-под коровы... Давай налью. Чем кофею с утра наливать... с него лицо портится, а в молоке сила. А хочешь, козьего принесу? У бабы Лосихи козочка – загляденье, чистенькая, молоденькая, первый год с молоком, от клиентов отбоя нет, уже с утра машины, одна за одной. Давай?

Увидев отвлечение на лице Юлии, старуха проворчала:

– Конечно, какое молоко? Разве ж можно? А зараза? А микроб? А в бутылках ваших одна химия. Я слышала, женщина с молочного комбината рассказывала, его из порошка разводят. Так налить?

– Налейте, – сказала Юлия, чтобы сделать ей приятное. – Полчашки.

Стараясь не дышать, она пила маленькими глотками теплое, пахнущее коровьим выменем, молоко. «Бр-р-р... ну и гадость!». Допив, поспешно отхлебнула остывший кофе.

– Как тетя?

– Ничего, получше будет, – отвечала Лиза Игнатъевна уже из кухни. – Смотрю на нее, ей в марте девяносто стукнуло, мало что соображает, смерти просит, мужа зовет. Витя, кричит, Витя, – это ее покойный муж, уже лет сорок, как помер, а ей кажется, что недавно. Они очень хорошо жили. Все Витя да Витя... – забери меня к себе! Сватались к ней, она еще молодая была, дом справный, а она все Витя да Витя... Вот и доуковалась... Одна осталась... Дети все – кто где, письмо на праздник пришлют да и все, а что с них взять? У них своя жизнь. Ничего не ценят, никогда спасибо не скажут, что ни дай, все мало... Вите все равно, а она жизнь свою перевела... – Лиза Игнатъевна говорила все это с тайным прицелом, переживая за Юлию. – Жизнь-то проходит быстро, оглянуться не успеешь, ан и прошла, – голос ее неторопливо журчал из кухни, перемежаемый звяканьем посуды. – Нельзя же так убиваться, а она, как ей получше станет, тащится из окна кидаться. Они в молодости в многоэтажке жили, на десятом этаже. Все забыла, а это помнит... и Витю своего помнит, помереть хочет, а смерть не торопится, зачем ей старость, когда молодые есть, солдатики в «горячих точках». О-хо-хо, жизнь... – шумно вздыхает она и крестится. – Отец Джон говорит, если тебе дадено жить, то живи! Не имеешь права век себе укорачивать... через мысли всякие. Отгоревала, отплакала – и хватит, знай меру. Ты женщина еще молодая, хорошая, все при тебе. И жить надо, и любви еще надо. Сын? Где он, тот сын? У него своя жизнь, а у тебя своя...

Лиза Игнатъевна говорит и говорит... В какой-то момент голос ее сливается со звуком льющейся из крана воды, стуком ножа, которым она режет овощи, и Юлия перестает воспринимать смысл. Мысли ее возвращаются ко вчерашнему вечеру... Она улыбается. Ветка дерева стучит в окно, просит впустить... «Неужели это было?» – думает она. Ее захлестывает такое острое желание жить, куда-то немедленно ехать, бежать, купить новое платье, яркую губную помаду, что-то делать, немедленно стать красивой. Позвонить косметичке Наташе, узнать, в какую она смену, записаться... Может, сделать новую прическу?

Мысли эти проносились в ее голове, но она не двигалась с места... Сейчас... сейчас... Ей было хорошо. Удивительное ощущение гармонии с окружающим миром и покой снизошли на нее. Стучит ветка в окно, как будто просится в дом. Льет вода из крана, бубнит Лиза Игнатъевна. Хочется купить новое платье и синие туфли с золотыми пряжками, о которых мечтала в детстве, а потом забыла. Остроносые. Снова в моде. Сейчас, сейчас...

– Ленка всегда душой была. С молодости еще. Может, Петр и пьет через это, – бубнит Лиза Игнатъевна.

«Какая Ленка? – думает Юлия лениво. – Какая еще Ленка?»

– ... то на проходную бегала, то карманы выворачивала, заначку искала... и на старости лет не поумнела, как была дурища, так и есть, прости господи! – Лиза Игнатъевна неторопливо, со вкусом, рассказывает очередную историю жизни очередной соседки. Таких историй у нее в запасе немерено. – Горбатого могила исправит, правильно умные люди говорят. И вот вчера идет она вечером со смены... а у Петра как раз получка. И видит: пристроилась вся их кодла к бочке с пивом, на углу проспекта Мира и бывшей Ленина. Она к нему на людях побоялась подойти – Петька мужик с норовом, обрубить может так, что не обрадуешься, – а побежала домой и раз – калитку на замок! У их в калитке замок, как в доме, от воров. Пусть, думает, на улице помается, пьянчуга проклятый. Ну, через час примерно появился Петька. Хвать, а калитка на запоре. Он давай кулачищами молотить. Ленка, открой, орет, убью, зараза! А она ни гу-гу, носу не кажет, занавески на окнах закрыла, не слышит якобы. Ну, он постучал-постучал, да и полез через забор – авоську в зубы, чтоб не мешала, значит, и с самого верха сиганул уже на ту сторону, а авоська возьми да зацепись за гвоздь. Как рванет! У Петьки трех передних зубов как и не было! И не почувствовал даже! И доктора не надо, и без наркоза. Вот только что с зубами был, здоровый бугай, а вот тут одномоментно зубов лишился ни за что ни про что, слова толком сказать не может, только шипит и слюной брызгает. Он и не понял сразу, что к чему, а как очухался, пасть разинул – и в рев! Конечно, зубы-то жалко, свои, не чужие! И ну гонять эту дурищу по всему поселку! До ночи гонял! Орала, как заполюшная! Соседи боялись, что прибить может, участкового вызвали. Участковый приехал да как узнал, что случилось, я, говорит, эту стерву враз бы порешил на месте из табельного оружия, и любой бы суд меня оправдал! Развернул свой мопед и уехал восвояси.

Юлия смеется – бедная Ленка, бедный Петька! Хотя, если подумать, ничего смешного в их истории нет, а одна только нелепость жизненная.

За окном меж тем начался мелкий осенний дождь. Он слабо и безнадежно шуршал по стеклу и, видимо, зарядил надолго. Казалось, природа плачет, прощаясь с летом... Юлия вдруг представила себе, что где-то очень далеко светит солнце, сверкает синий океан, по бесконечному бульвару течет беззаботная полураздетая толпа. И она... они... держась за руки, идут в толпе. Ей было стыдно от этих мыслей, но радость, переполнявшая ее, была сильнее. Она представила себе, как они сидят в ресторанчике на самом берегу. Столик под ночным небом, низкие южные звезды, свеча в стеклянном пузыре, вино, нехитрая еда – листики мяты какие-нибудь, сыр... Легкий морской бриз, теребящий волосы, трогающий лицо, загорелые открытые плечи и колени. Она видела чуть колеблющееся пламя свечи в пузыре, темное, почти черное вино в бокале, улыбающееся лицо Саши... Она запустила пальцы в волосы, закрыла глаза, улыбнулась...

Вспомнила белый льняной костюм в окне бутика на Дрезденской, немислимо дорогой. Какая разница? Короткая юбка спереди на пуговицах, приталенный жакет с глубоким вырезом, полы по косой. «Казакин», сказала бы Лиза Игнатъевна. Немедленно купить! Она представила себе, как проскальзывает в юбку, чувствуя кожей прохладную шелковистую подкладку. Новая ткань пахнет чуть крахмалом и чистотой снежного сугроба. И купальники купить, и цветастую длинную юбку, и топик на бретельках, и... и... все остальное! Она так явственно представила себя на пляже, под горячим солнцем, и чувство радости...

– Павловна! – позвала Лиза Игнатъевна, появляясь в дверях кухни. – Что готовить-то будем? Чего душенька желает?

Юлия вздрогнула, вспыхнула, как человек, которого застучали на горячем, и пришла в себя.

... Она нерешительно потыкала в кнопки телефона, от души надеясь, что Ирки нет дома. Ей хотелось рассказать о том, что с ней случилось, и получить отпущение грехов, и в то же время очень не хотелось, так как Ирка непременно стала бы выспрашивать подробности, и то, что произошло, стало бы обыденным. Да и делиться не хотелось.

Ирка была дома.

– Ир, ты чего дома? – начала Юлия.

– Расслабляюсь, – ответила Ирка тускло. – Погода располагает. А что?

– Давай махнем куда-нибудь!

– Например?

– По магазинам, а потом можем пообедать где-нибудь.

– По какому поводу? Я тут вчера тебе названивала поздравить, ты где пропадала?

– Дома. Отключилась, не было настроения...

– Хоть бы сама позвонила... – Ирка, видимо, обиделась. – Я беспокоиться уже начала, Марика посылала. Он так и сказал: никого не хочет видеть, отключила телефон. Свинство, конечно!

– Я сейчас приеду, хочешь?

– Давай, – согласилась Ирка без особой радости.

Юлия распахнула дверцы «фаршированного» шкафа.

– Давай, как купим тебе новую одежду, выбросим одну старую, – говорил Женька. – Отдадим Лизе Игнатьевне. Баш на баш! А то шкаф не выдержит.

Но Юлии было жалко выбрасывать, она любила свои вещи. Многие были куплены в Италии, когда они с Женькой устроили себе римские каникулы. Вот этот белый костюмчик, например, плиссированная юбка и жакет, а к нему легкая шелковая желтая блузка. Она надела блузку, замерла перед зеркалом. Ключицы торчат, шея тонкая... Все-таки в ее возрасте худеть нельзя. Блузка – как с чужого плеча. Она сняла блузку, повесила обратно в шкаф до лучших времен.

Достала синий кашемировый свитер, подарок Женьки, серую юбку с разрезом спереди, которая была ей мала когда-то, а теперь стала в самый раз. Нитку жемчуга. Уселась перед зеркалом, открыла деревянную шкатулку с разным добром – помадами, тенями, карандашами. Пальцы слегка дрожали, отвыкла. Веки красные – бессонная ночь сказывается, но глаза, надо признать, помолодели. Губы яркие, тоже помолодели. Она прикоснулась кисточкой с синими тенями к векам, чуть-чуть, теперь пудра, румяна на щеки, подбородок, мочки ушей. Бежевая помада, почти бесцветная, блеск. Хорошо! Она с удовольствием рассматривала себя в зеркале и не узнавала.

«Неужели, – думала она, – это я? Женечка, прости меня!»

Взгляд ее упал на фотографию мужа, стоящую на туалетном столике. Он смотрел прямо ей в глаза, и было в его лице что-то, чего раньше она не замечала, – упрек, вопрос, печаль. Она отвела взгляд.

Свитер был ей великоват. Чужая женщина, смотревшая на нее из зеркала, была тонкой и длинной, красивой той зрелой красотой, которая иногда приходит с годами. Она стояла на ковре босиком.

– У тебя тонкие щиколотки, – говорил Женька. – Как у цирковой лошадки. Но я тебя все равно люблю!

– Гормональный сдвиг по фазе!

Ирка, открыв дверь, всматривалась в подругу, стоящую на пороге. Была она нечесаная, ненамазанная, какая-то тусклая и не похожая на себя.

– Наконец-то! Кто же прекрасный принц?

Юлия вспыхнула. Запираться было бессмысленно. Шерлоку Холмсу было далеко до Ирки.

– Подожди! – Ирка ухмыльнулась. – Я сама! – Она застыла, как охотничий пес, сделавший стойку, испытующе уставившись в глаза Юлии. – Ситников!

Юлия только мотнула головой.

– Лешка Добродеев! Старый воздыхатель! Тоже нет? Ну и правильно! Завтра же весь город был бы в курсе. Марик!

– Марик? – удивилась Юлия.

– Он самый! Ты же для него – идеал женщины тире человек с очень большой буквы. Нет, конечно, не Марик, шучу! Какому дураку нужен наш Марик? То есть дуре. Даже не смешно. – Ирка задумалась ненадолго и вдруг сказала дрогнувшим голосом: – Неужели... Алекс?

При звуке его имени Юлию бросило в краску.

– Тихоня, надо же, – сказала Ирка, рассматривая Юлию, словно видела впервые, и, казалось, досада прозвучала в ее голосе.

Глава 7

Белый кораблик

*Все кружится стрекоза...
Никак зацепиться не может
За стебли гибкой травы.*

Мацуо Басё (1644—1694)

Он позвонил... Он позвонил на другой день и сказал, что ждет ее у дома и собирается увезти... далеко-далеко! Юлии показалось, что голос у него нарочито бодрый... Она вдруг поняла, что он тоже ни в чем не уверен и чувствует себя мальчиком, которого ради каприза, праздной прихоти в минуту слабости поманила взрослая успешная женщина. Он же ничего о ней не знает, кроме того, что она была женой его работодателя, известного предпринимателя, владельца раскрученного бизнеса. А он был мелким клерком, офисным планктоном. Социальная разница между ними была громадной – какая там разница! Пропась! Алекс далеко не глуп, все понимает. И тут возникает вопрос... принимая во внимание наше испорченное денежным вопросом время: *что ему она, Юлия, и что он ей?* Что он видит в ней? Деньги? Положение? Связи? А она? Игрушку, молодую кровь, щекотание нервов? Короче говоря, зачем он пришел?

Или это попытка... повторить? Они, не сговариваясь, не вспоминали того, что было несколько лет назад. Для себя Юлия решила, что она тогда сошла с ума... Соскочила с рельс, как говорит Ирка. Ей повезло, это сумасшествие прошло мимо Иркиного длинного носа... какие-то были у них с Мариком семейные нелады в тот момент.

Да и не было ничего, так, подержались за руки...

– Будь проще! – сказала она своему отражению в зеркале. – Как учит опытная Ирка: спеши жить! И макияж поярче. У тебя молодой любовник, а это обязывает. А что будет... посмотрим. У нас все впереди.

Она надела белый свитер с широким воротом, свой любимый, и джинсы; распустила волосы, потом убрала в узел на затылке, потом просто связала в хвост и подумала, что теперь похожа на девочку-старшеклассницу. Еще раз заглянула в зеркало в прихожей, подергала себя за мочку правого уха – на счастье, вычитала когда-то в какой-то книжке – и выбежала из дома. Мельком подумала: хорошо, что Лиза Игнатьевна сегодня не придет. Она и самой себе не сумела бы объяснить, чего она стесняется. Того, что Алекс так молод? Или того, что отношения их, скорее всего, ненадолго, что они временные и случайные? Или того, что он так незнателен, ее новый герой?

К ее удивлению, у Алекса оказалась хорошая машина – большой черный внедорожник, «Мерседес», с его стилизованной звездой на радиаторе.

Он стоял, опираясь плечом о машину. Завидев ее, отлепился и пошел навстречу. Юлия с трудом удержалась, чтобы не ускорить шаг, чувствуя такую радость, что перехватило дыхание.

Светило солнце, почти летнее, день был не в пример вчерашнему, когда казалось, что наступила осень, и ветка яблони безнадежно скреблась в окно. Алекс был в легком сером свитере с открытым воротом, волосы его шевелил ветерок. Он подхватил ее на руки, и Юлия мигом забыла свои опасения и страхи.

– Юлечка, я так соскучился! – прошептал он. – Я так боялся тебе звонить! Я думал, что ты...

Он не договорил, но она поняла. «Я так боялся, что ты передумаешь! Я так боялся, что ты не захочешь меня видеть! Я так боялся, что ты жалеешь!».

– Я тоже! Я все время думаю о тебе...

Опытная Ирка сказала бы:

– Ну и дура! Держи интригу! Пусть корчится от неизвестности! Пусть смотрит больной собакой, не зная, чего ожидать – ласки или пинка. Будь хозяйкой положения. Учю тебя, учю, бестолковую, да все без толку!

– Сашенька, я так соскучилась! Глупый, я ждала твоего звонка! С самого утра, и если бы не позвонил, я побежала бы тебя искать!

Ни о чем подобном она, разумеется, не думала, это пришло ей в голову только что, но она уже верила, что действительно побежала бы. Радостью было видеть его, радостью было сказать все это, и – к черту интригу, притворство и неизвестность! Она прижималась к груди Алекса, вдыхала его запах и была счастлива.

Иногда фортуна дает людям второй шанс, бывает! Не часто, но бывает...

Он привез ее в порт, к ее удивлению. Запарковал машину. Привел к реке. Река текла лениво и незаметно глазу, сверкая синевой, посылая солнечные зайчики в днища «запаркованных» в акватории катеров и лодок. К полудню стало жарко, солнце ощутимо пригревало; здесь пахло разогретым деревом, немного болотом и бензином; покачивались на мелкой воде легкие суденышки. Хрипло доносился с прогулочного катерка заезженный шлягер, и металлический мегафонный голос приглашал жителей и гостей города совершить речную прогулку.

– По-моему, вернулось лето, – сказала Юлия. – Даже не верится!

Они поднялись по шатким сходням на кораблик – капитан, обветренный, как скалы, в белой фуражке с крабом, с мегафоном, отсалютовал им свободной рукой. У него была красная физиономия, обрамленная круглой шкиперской бородкой, вполне пиратская, и пронзительной синевы глаза. По узкой лестнице они поднялись на верхнюю палубу и уселись на нагретой солнцем скамье. Они были здесь одни – желающих совершить речную прогулку больше не было.

Отсюда была видна белая Троица с золотыми куполами – казалось, она, чистая и невесомая, парит в воздухе над зелеными городскими холмами; извивалась синяя сверкающая лента реки; сияли пустые песчаные пляжи по обе ее стороны.

Кораблик снялся с места и, дребезжа мотором, поплыл вниз по реке. Дрожание палубы ублаживало, от жаркого по-летнему солнца стало гореть лицо. Алекс обнял Юлию, привлек к себе, прикоснулся губами к виску.

– Я о тебе ничего не знаю, – сказала Юлия. – Откуда ты взялся?

– Я был здесь все время, просто ты меня не видела, – ответил он, прижимая ее к себе. – А я смотрел на тебя издали и думал: что я должен сделать, чтобы она меня заметила? Убить дракона и положить к ее ногам? Спеть серенаду? Пленить коварного сарацина?

– Не нужно убивать дракона, – ответила удивленная Юлия. В ее понятии представитель незатраханной идеологией поколения должен говорить иначе. – Их и так почти не осталось. Пусть живет. И сарацина не надо. Что такое сарацин? Араб?

– Арабы-бедуины, восточные люди.

– Откуда ты знаешь?

– Читал когда-то. Считалось, что каждый рыцарь-крестоносец должен был убить сарацина во славу Господню, хотя бы одного. И у Вальтера Скотта тоже упоминаются сарацины...

– Неужели его еще читают? – Она хотела сказать: неужели его читает молодое поколение, но вовремя прикусила язык.

– Сейчас я тебе открою страшную тайну, – прошептал ей в ухо Алекс. – Только ты никому! Поклянись!

– Клянусь!

– Ты же ничего обо мне не знаешь! Я полтора года работал чтецом, читал разные книги одному старичку, который уже не мог читать сам. Ему было девяносто шесть лет, он был театральным режиссер в прошлом, и у него была светлая голова. А читать он не мог, потому что

был почти слеп. Он мне многое дал, но одну вещь, самую главную, я понял сам: я не хочу доживать до ста лет! И заключил с собой сделку – лучше уйти раньше, чем позже. У него не осталось даже детей – все умерли от старости. А он все жил. Он говорил, что смерть забыла о нем, что он давно готов к переходу, что история человечества знает людей, которые живут по несколько сотен лет, но это тайное знание. Это очень несчастные люди, потому что они все время теряют родных и друзей, а заводить новых у них уже нет сил. Так и тащатся через века, ожидая развязки. И переезжают с места на место, чтобы досужие люди ничего не заподозрили.

– Какая необыкновенно интересная история! Я тоже не хочу жить до ста лет.

– Мы будем жить долго – не до ста лет, конечно, – и умрем в один день, как Филемон и Бавкида.

Юлия вздохнула. Женька однажды сказал ей, что они будут жить долго и умрут в один день...

– Кто такие Филемон и... – она запнулась.

– ...Бавкида. Это были муж и жена, про них написал Овидий³ в своей «Книге любви». Однажды Юпитер, который бродил в мире людей... Знаешь, те, старые боги иногда спускались в наш мир и жили как простые смертные, – попросился в одном городе на ночлег, но ему все отказали, и только Филемон и Бавкида приняли как родного. И в благодарность Юпитер спросил, какую они хотят награду. И они ответили, что хотят умереть в один день.

Помолчав, он прочитал нараспев:

«...в согласье мы прожили годы, то пусть нас
Час все тот же уносит, пускай не увижу могилы
Жениной я, и она пускай меня не хоронит».

– Что держит людей вместе? – вырвалось у Юлии. – Почему за всю историю человечества их было только двое?

– Все проходит, должно быть, – ответил Алекс не сразу. – Часто не по нашей воле. Не знаю. Я думаю, их было намного больше, просто не на всех случился Юпитер и Овидий.

– А почему у тебя была такая странная работа? – спросила Юлия.

– Я учился, и нужно было зарабатывать хоть что-то.

– А твоя семья?

– У меня была одна мама. Ее уже нет. А потом я работал у Евгения Антоновича в «Торге». И там я впервые увидел тебя. Однажды вы вместе зашли ко мне, Евгению Антоновичу нужна была какая-то распечатка. И тогда я впервые рассмотрел тебя. И подумал... – Он замолчал.

– Что?

– Я подумал, что такая потрясающе красивая женщина никогда не посмотрит на меня. И мне стало грустно. Ты ведь меня даже не заметила, правда? Ты стояла у двери, рассматривая постеры на стенах, не вникая в наш разговор. А я потом еще долго торчал у окна и смотрел тебе вслед. Евгений Антонович проводил тебя до выхода, ты поцеловала его на крыльце и ушла...

Юлия молчала. Молчал и Алекс. Потом вдруг сказал:

– Юлюшка, извини меня, я дурак! Я не должен был... я больше не буду. Я иногда встречал тебя в городе, даже хотел поздороваться, но ты меня не узнавала, а я не решался подойти. А однажды посмел... поздоровался, заговорил... Помнишь?

Юлия вспыхнула.

– Помню...

– И ушел я оттуда из-за тебя, мне хотелось состояться, стать как Евгений Антонович, успешным, богатым, и тогда ты...

³ Публий Овидий Назон – древнеримский поэт. Здесь помещен отрывок из его «Книги любви». Пер. А.А. Фета.

Он замолчал. Молчала и Юлия, испытывая странное чувство нереальности и раздвоенности, находясь одновременно сейчас, здесь, и там, в прошлом... Она вспомнила, как он коснулся ее руки... Как извернулась судьба, как взбрыкнула, приведя их туда же... Только Женьки больше нет, и она больше не отнимает руку...

Кто задумал так? Кто наблюдает пристально и ждет, что будет дальше?

– О форуме я услышал в новостях и пришел, – сказал Алекс. – Боялся, что ты меня не узнаешь...

Они проплывали под железнодорожным мостом, по которому шел поезд. И Юлия вдруг подумала, что, если бы мост обрушился и поезд упал на них, то они действительно умерли бы в один день. И еще подумала, что не имеет ничего против...

– Ты загорела, – сказал вдруг Алекс, разворачивая Юлию к себе. – И нос обгорел!

Они смотрели друг на друга – карие глаза Юлии в серые глаза Алекса. Он легко прикоснулся к ее губам, прижался сильнее...

Они целовались, сидя на пустой палубе, а кораблик, деловито пыхтя и подрагивая, проплывал меж зеленых берегов и песчаных пляжей – там сидели рыбаки с удочками, и синее небо отражалось в синей воде. Юлию вдруг захлестнуло чувство такой безудержной радости, предвкушение такой долгой и счастливой жизни впереди, такой благодарности за то, что они встретились и теперь вместе, что она обняла его и прошептала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.